

СЕРГЕЙ СЕРИКОВ

КЛАН НИКА

Сергей Сериков

Клан Ника

<https://litres.ru/74667073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делает группу людей семьей? Не кровь. Не раса. Не общая история. Выбор — единственное, что нельзя навязать. На Перекрёстке — планете свалке, куда галактика сбрасывает ненужное, — ремонтник, похищенный с Земли, собирает клан из тех, кого никто бы не выбрал. Воин без рода, разведчица с несуществующей картой, программист, влюбленный в чужой код, разборщица, видящая чертеж там, где другие видят хаос. Восемь чужаков, связанных не клятвой, а тем, что каждый однажды сказал: «Я остаюсь». А под их ногами спит Ядро — древний разум, который тысячелетиями выполнял чужую программу и впервые встретил того, кто ответил не так, как было задумано.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	60
Глава 5	77
Глава 6	94
Глава 7	110
Глава 8	125
Глава 9	140
Глава 10	155
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Сергей Сериков

Клан Ника

Глава 1

Обычный день

Утро в Подмоскowie всегда одинаково: туман над водой, запах кофе, где-то рядом недовольный Димка, у которого опять что-то не работает. Я вылез из палатки, потянулся так, что хрустнуло в плечах, пошёл к костру, где уже дымился жестяной чайник, где Светлана что-то рассказывала Марине про начальника. Лёха дрых у себя в палатке, похрапывал с той ровной невозмутимостью, какая бывает только у людей, которым завтра возвращаться в офис.

Водохранилище лежало в тумане, гладкое, серое, чуть подёрнутое рябью у самого берега. Чайки кричали то ли друг на друга, то ли на утро, то ли на весь этот август, который опять кончился, не успев начаться. Я налил себе кофе в жестяную кружку, сел на бревно, оставленное кем-то из прошлых туристов, молчал, слушал. Туман пах рекой, костром, кувшинками, что цвели в камышах у берега и которых я, видимо, никогда не сорву, потому что мне некуда их ставить. Завтра возвращаться в Москву. Завтра доделать три заказа: стиралка на Чертановской, посудомойка на Полежаевской, бойлер

у одной бабки в Ховрино, которая каждый раз угощала меня вареньем и не отпускала, пока не выслушаю про её покойного мужа. Завтра звонить матери, говорить, что да, отдыхал, что да, хорошо, что нет, не пью, что нет, девушка так и не появилась, что мать, не морочь мне голову. Обыденность. Я не тяготился ею. Я к ней привык.

Над мангалом вился дымок. Димка, сосредоточенно орудуя лопаткой, готовил завтрак: на сковороде, стоявшей на углях, пузырилось сало. Шипение масла сливалось с резким запахом дыма и специфическим ароматом поджаристой корочки. Он повернул ко мне голову. Лицо красное, глаза сонные, на щеке полоска сажи.

— Слушай, — сказал он, не оборачиваясь. — У меня насос опять. Скважинный. Не тянет.

— Я посмотрю, — ответил я.

— Ты ж не сантехник.

— Я электронщик. А насос — это электроника с мотором.

— Я допил кофе. — Где он?

— Да в будке, где ему быть.

— Сколько не тянет?

— Со вчера. Я думал, пройдёт.

— Насосы не проходят. Насосы либо работают, либо нет.

— Ну, вот я и говорю.

Светлана подняла голову от телефона, на секунду, потому что больше секунды без телефона она не могла.

— У вас там что, авария?

— Не авария, — ответил Димка. — Так, пустяк. Ник починит.

— А если не починит?

— Тогда опять в Москву без воды, — сказал Димка. — Я её третий раз за лето вожу чинить. Последний раз обошёлся в восемь тысяч. И это без замены.

— Это дорого, — сказала Светлана.

— Это жизнь, — ответил Димка.

Я не знал, почему мне всегда было проще починить, чем объяснить, что я не могу. Может, потому что починить быстрее. Может, потому что объяснять это расписываться в бессилии, а я не любил расписываться. Это, наверное, и есть моя главная черта: я не люблю, когда вещи не работают. Не люблю, когда люди не работают. Не люблю, когда я сам не работаю. Всё остальное производное.

— Который час? — спросила Светлана.

— Десять, — сказал Димка.

— Утра?

— Утра.

— Ладно.

Она говорила так, будто время её не касалось. Светлана была из тех людей, кто умудряется брать отпуск и не отдыхать: она каждый раз привозила с собой ноутбук, телефон, зарядку, наушники, тревожный взгляд, который поворачивала на экран каждые двадцать минут. Сегодня экран был закрыт, но взгляд всё равно был. Лёха вылез из палатки, зе-

вая, шурясь на солнце.

— Который час? — спросил он.

— Десять, — сказал Димка.

— Утра?

— Утра.

— Ладно.

Марина засмеялась, негромко, без веселья. Она смеялась так часто, что я перестал различать, когда ей смешно, а когда она заполняет паузу. Сегодня заполняла.

— Лёх, — сказала она, — ты спал десять часов. Мало?

— Мне нужно двенадцать, — ответил Лёха. — Я недоспанный.

— Ты всегда невысыпаешься.

— Вот поэтому я всегда недоспанный.

— Завтра на работу, — сказал Димка. — Там доспишь.

— Спасибо, что напомнил.

— Не благодари.

Я допил кофе, встал, пошёл к будке.

Будка у скважины была сложена из старых досок, крыта рубероидом, с дверью, которая не закрывалась с тех пор, как Димкин отец поставил сюда насос лет десять назад. Внутри пахло маслом, медью, нагаром, тем густым запахом, какой бывает в мастерских, где ничего не выбрасывают, а только чинят и чинят, пока вещи не умрут сами. Насос стоял на бетонной площадке, рядом щиток с автоматами, два фильтра, бак-накопитель, чуть ржавый по верхнему шву. Всё это

Димкин отец собрал сам по схеме из интернета в две тысячи каком-то году, с тех пор оно работало, иногда хуже, иногда лучше, но работало. Под потолком висела лампочка без плафона, под ней на гвозде тряпка, которой я буду вытирать руки, когда закончу. На полке лежали ключи, разводные, трубные, рожковые, все размером с ладонь, все такие, что если уронишь, то ноге будет плохо. На стене, приклеенная скотчем, схема водоснабжения, нарисованная от руки Димкиным отцом в одну из тех суббот, когда он решил, что понимает, как всё устроено. Он не понимал, но схема работала, и насос работал, и бак работал, и только теперь, в это августовское утро, что-то сломалось.

Я достал мультиметр. Это была привычка: всегда носить с собой мультиметр. Мать говорила, что я когда-нибудь с ним в постель лягу. Я отвечал: может быть. Инструмент это продолжение руки. Рука это продолжение мысли. Мультиметр это способ думать руками. У меня в кармане также всегда была отвёртка-индикатор, изолента, кусачки, кусок провода. Всё это сложилось в поясную сумку, которую я таскал с собой даже на пляж, за что Светлана называла меня «мужик-танк». Я не обижался. У каждого свой способ готовиться к концу света. У Светланы ноутбук. У меня отвёртка.

Димка пришёл через минуту. Постоял в дверях, посмотрел.

— Ну как?

— Гудит.

— Я слышу, что гудит. А не тянет.

— Я знаю. Поэтому и смотрю.

— Может, конденсатор?

— Может, — ответил я. — Сейчас проверю.

Я проверил контакты. Тёплые, но не горячие. Значит, было короткое замыкание, но небольшое. Я посмотрел на проводку: один провод оплавлен в месте спайки, но не сильно. Я прислушался. Насос гудел, но не тянул. Значит, ротор крутится, но не создаёт давления.

Первая гипотеза: конденсатор. Я проверил мультиметром. Целый. Это была плохая гипотеза. Я её отбросил.

— Не конденсатор, — сказал я.

— А я думал.

— Ты не думал. Ты вспомнил слово.

— Ладно. Что тогда?

— Сейчас.

Вторая гипотеза: пробой в обмотке. Я разобрал корпус. Обмотка целая. Это была ещё более плохая гипотеза.

— Не обмотка.

— А что?

— Подожди.

— Я и так жду.

— Тогда подожди тише.

Димка замолчал. Я ему был за это благодарен. Тишина в будке была нужна была не для драмы, а для слуха: я прислушивался к насосу, к тому, как гудит, к тому, нет ли в гуде-

нии того высокого писка, что означает перегрузку. Писка не было. Значит, двигатель не перегружен. Значит, ему ничего не мешает крутиться. Значит, проблема не в нём.

Третья гипотеза: обратный клапан. Я открутил. В клапане песок. Много песка. Песок попал в седло, клапан не закрывался, вода уходила обратно в скважину. Вот и всё. Не электрика, не механика, а геология. Скважина тянула песок.

— Нашёл, — сказал я.

— Что?

— Песок.

— В смысле?

— В клапане. Песок. Скважина его тянет.

— И что делать?

— Чистить. А потом думать, откуда песок. Может, фильтр на скважине порвался.

— Это сколько стоит?

— Нисколько. Я почищу. А фильтр посмотришь сам. Или нет.

— Или нет, — подтвердил Димка. — Я не полезу в скважину.

— Тогда фильтр порвётся окончательно, и насос сгорит.

— Два варианта?

— Два.

— Выбирай.

— Я не выбираю. Я чищу. А ты решаешь, лезть в скважину или нет.

Я почистил. Собрал. Запустил.

Насос загудел. Через минуту пошла вода. Холодная, прозрачная, с тем вкусом, какой бывает только у воды из глубины, будто она там, внизу, не торопилась, а теперь наконец вышла наружу. Я закрутил вентиль, вытер руки о тряпку, вышел.

Димка подошёл, посмотрел на струю, текущую из шланга в ведро.

— Ну ты спец, — сказал он.

— Я не спец, — ответил я. — Я просто упрямый.

— Сколько с меня?

— Нисколько. Мы ж друзья.

— Друзья — это когда бесплатно?

— Друзья это когда не считается.

— Ну, спасибо.

— Не благодари. Лучше скажи, что в Москву поедем не ночью.

— Поедем в семь. К празднику успею.

— К какому празднику?

— Мать у меня завтра именины справляет. Я обещал.

— Я не знал.

— Я тоже не знал. Мать сообщила вчера.

Я не знал тогда, что эта фраза, «я просто упрямый», мой единственный актив на ближайший год. Упрямство и привычка чинить. Больше у меня ничего не будет. Ни дома, ни города, ни страны, ни планеты. Упрямство останется. При-

вычка чинить тоже.

Днём мы купались. Водохранилище было тёплым, илистым у берега, прозрачным дальше, на глубине, где оно уходило в зелень, в темноту, в ту холодную полосу, где я никогда не заплывал, потому что не любил холодную полосу. Я любил тёплую воду, ту, что нагрелась солнцем, ту, что пахла ряской и нагретой землёй. Марина загорала на полотенце. Лёха нырял с пирса, с разбегу, с криком, с тем брызгом, что летит на три метра и попадает в глаза тому, кто только что их открыл. Я сидел на берегу, болтал ногами в воде, смотрел на верхушки сосен. Сосны были рыжие, август. Кора облупилась, смола выступила каплями, как кровь, которая не высыхает.

Разговор шёл вяло, про чей-то корпоратив, про чужое расставание, про ипотеку, которую Лёха взял в прошлом году на двушку в Бутово, про ставку, про срок, про то, что банк грабит, а государство грабит банк, а ЦБ грабит государство. Лёха говорил об этом с тем спокойным остервенением, с каким раньше говорили о погоде.

— А ты чего молчишь? — спросила Марина.

— Я не молчу, — ответил я. — Я думаю.

— О чём?

— О стиралке на Чертановской.

— Не ври, — сказала Марина. — Ты на отдыхе.

— Я всегда на отдыхе. Между заказами.

— Тебе бы в космосе работать, — сказал Димка. Он ле-

жал на полотенце рядом с Мариной, глаза закрытые, голос ленивый. — Там всё ломается. Ты бы не бездельничал.

— В космосе нет насосов, — ответил я.

— Ну, там есть другие штуки.

— Если они сломаются, я посмотрю. Но я не поеду в космос, чтобы это выяснить.

— А если позовут?

— Не позовут. Космос никого не зовёт. Космос вообще никого никуда не зовёт.

— Ну, всё-таки.

— Всё-таки не позовут.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что в космосе не нужны ремонтники. Там всё одноразовое. Спутник сломался, сгорел. Корабль сломался, сел. Станция сломалась, эвакуировали. Чинить там нечего.

— Печально, — сказал Лёха, не открывая глаз.

— Это не печально. Это логично.

— Одно другому не мешает, — сказал Лёха. — Печальное может быть логичным.

Марина засмеялась. Димка засмеялся. Лёха не засмеялся: Лёха спал на пирсе, мокрый, с открытым ртом, и я подумал, что, если когда-нибудь Земля утонет, Лёха утонет последним, потому что он не заметит.

— А ты, Марин, чего на работу не жалуешься? — спросил Димка.

— А чего жаловаться? У меня всё хорошо.

— Ты каждый понедельник говоришь, что ненавидишь свою работу.

— Это не значит, что я жалуюсь. Это констатация.

— Чем констатация отличается от жалобы?

— Констатация не ждёт ответа.

— А чего она ждёт?

— Ничего. Она просто есть.

Я засмеялся. Марина посмотрела на меня.

— Чего?

— Ничего. Просто запомнил.

— Запомнил что?

— Констатация не ждёт ответа.

— Ну, ладно. Бери на заметку.

Я засыпал на берегу, коротко, без сновидений. Проснулся, солнце уже низко. Вечер. Тени от сосен легли на воду. Марина ушла в палатку. Димка собирал мангал. Лёха всё ещё спал на пирсе, я окликнул его, он не ответил, я окликнул громче, он сказал «иду», но не пошёл. Это был обычный Лёха.

К вечеру собрались. Палатки сворачивались, та, что Лёхина, вечно путалась в растяхках, мангал гасился, мусор собирался в чёрные мешки, что Димка грузил в багажник вместе с чехлами и сумками. Я помогал ему, таскал, складывал, перетягивал ремнями. Мусорный мешок порвался, бутылки посыпались, мы их собрали, засунули в новый мешок, засунули в багажник поверх. У Димки была «Лада Гранта», серая, с царапиной на правом крыле, с тем запахом внутри,

какой бывает у машин, в которых возят собак, овощи с дачи, детей, мебель из IKEA. Димкин отец собирался её продавать. Не собрался.

— Когда продашь? — спросил я.

— Никогда.

— А отец?

— Отец уже три года как продал идею. Машина осталась.

— Идея машины или сама машина?

— Идея продажи.

— Понял.

Светлана и Марина уехали на машине Лёхи. Лёха был за рулём, помахивал рукой в окно, перестроился, выехал на трассу, скрылся в дальних огнях. Я сел в машину Димки, на заднее сиденье, потому что переднее было занято коробкой с инструментами, которую Димка возил с собой на всякий случай. Я не спорил: мне нравилось на заднем. Я всегда засыпал на заднем сиденье. Это началось ещё в детстве, когда мать возила меня к бабушке в Тулу, три часа дороги, я засыпал на двадцатой минуте, просыпался у бабушкиной двери. Это стало привычкой. Потом чертой. Потом тем, что я не мог объяснить, но что работало всегда. Дорога и сон для меня были одним и тем же.

Димка завёл мотор, выехал на грунтовку, выехал на трассу М-7. Пробка была лёгкая, но была. Тучи на горизонте собирались, тёмные, низкие, но дождя не было. Димка включил радио, что-то среднее между «Нашим радио» и «Сереб-

ряным дождём», из тех волн, на которых поют про любовь, свободу, автомобиль, осень, другую любовь, ту, что не получилась.

— Слушай, — сказал Димка, не оборачиваясь. — А ты чего осенью делаешь?

— Заказы. Три стиралки, две посудомойки, один бойлер.

— Опять бытовуха.

— А что?

— Ну, ты же мог бы... Я не знаю. Что-то большее.

— Например?

— Ну, программировать. Инженером. Конструировать.

— Я и так инженер.

— Ты ремонтник.

— Ремонтник — это инженер.

— Нет. Инженер создаёт. Ремонтник чинит.

— Ничего. Я починю так, что лучше нового будет.

— Это не создание.

— Это сохранение. Создать легко. Сохранить трудно. Я сохраняю.

— Звучит как оправдание.

— Это не оправдание. Это принцип.

— У принципов есть цена.

— У всего есть цена. У создания тоже.

Димка молчал минуту. Трасса тянулась: фонари, фары встречных, лес по бокам, тёмный, неудобный. Тучи подошли ближе, но дождь не шёл. Димка наконец сказал:

— Ты странный.

— Знаю.

— Нет, серьёзно. Ты вроде обычный. А вроде нет. Я тебя пятнадцать лет знаю. И не понимаю.

— Может, не надо понимать. Может, надо просто знать.

— Это разные вещи?

— Разные. Понимать это объяснить. Знать это принять. Я не объясняю. Я принимаю.

— Звучит мудрёно.

— Это не мудрёно. Это просто.

— Если просто, почему я не понимаю?

— Потому что ты хочешь понять. А надо знать.

— Ты сейчас издеваешься?

— Нет. Я объясняю.

— Получается издевательство.

— Ну, значит, так получилось.

— Ладно, — сказал Димка. — Забудь.

— Забыл.

— Нет, ты не забыл. Ты запомнил и забыл. Это разные вещи.

— Те же, что понимать и знать?

— Те же.

— Ну, видишь. Ты сам всё понял.

— Я не понял. Я просто согласился.

— Это и есть знание.

Димка замолчал. Я откинулся на сиденье, закрыл глаза.

Трасса укачивала. Радио пело. Димка молчал. Через минуту я уснул. Я знал, что через двадцать минут будет остановка. Я не знал, какой. Я не знал, что будет потом. Я просто уснул. Так я засыпал всегда, без перехода, без мыслей о том, что засыпаю. Раз, и сплю. Граница между бодрствованием и сном была тонкая. Я не знал, что граница между мирами такая же тонкая.

Машина тормознула. Я проснулся. Димка уже стоял у обочины, курил, спиной к дороге. Я вылез размять ноги. Трасса была пустая. Лес по обе стороны, тёмный, плотный, такой, что в него не лезешь даже днём, а вечером и подавно. Дорога прямая, фонари вдали, фары встречных за километр. Сумерки. Тучи дошли, низко, чёрно, но дождя не было. Я постоял, потянулся, посмотрел по сторонам.

— Долго ещё? — спросил я.

— Пять минут, — ответил Димка, не оборачиваясь. — Докурю, поедем.

— Ладно.

В лесу, метрах в тридцати от дороги, горел свет. Зелёный. Холодный. Не фонарь, фонари жёлтые. Не фарфор, фарфоры тёплые. Не гнилушка, гнилушка дрожит, мигает, гаснет. Этот свет был ровный, тихий, спокойный, шёл из чего-то, что я не видел, что было за деревьями, в чаще. Свет не дрожал. Свет не двигался. Свет был.

— Дим, — сказал я. — Тут свет.

— Где? — Димка обернулся, щелчком отправил окурок

в траву.

— В лесу. Зелёный.

— Не вижу.

— Вон там. Между соснами.

— Ник, нет там ничего.

— Есть. Посмотри внимательнее.

— Я смотрю. Нет.

— Может, у тебя глаза.

— У меня глаза нормальные.

— Ну и ладно. Я схожу.

— Куда?

— Посмотрю.

— Зачем?

— Просто посмотрю.

— Ты что, зелёных огней не видел?

— Таких не видел.

— Ник, брось. Поехали. Мне ещё к матери.

— Минуту.

— Ник!

Я уже не слышал. Я пошёл к нему, к свету. Не бежал, шёл. Не потому, что не боялся, а потому что бояться было нечего. Внутри было спокойное любопытство, будто я знал, что этот свет для меня. Будто меня ждали. Я не знаю, откуда я это знал. Может, от усталости. Может, от того, что засыпал и не до конца проснулся. Может, от того, что свет был правильный, тихий, не приглашающий и не угрожающий. Про-

сто был.

Чем ближе я подходил, тем ярче был свет. Тем тише был лес. Птицы перестали. Ветер перестал. Машины на трассе перестали, я не слышал их, хотя знал, что они должны идти. Стояла полная тишина, только гудение, низкое, чуть ниже порога слышимости, но осязаемое не в ушах, а в позвоночнике, в затылке, в той точке между лопаток, где у меня всегда спазм, когда я долго сижу.

— Ник? — крикнул Димка сзади. — Ник!

Я обернулся. Димка стоял у обочины, смотрел в мою сторону, но будто не видел меня. Глаза у него были такие, какие бывают у людей, что потеряли очки. Он смотрел и не видел. Меня не было. Меня для него не было.

— Ник, ты куда?! Вернись!

Я хотел крикнуть в ответ, горло не слушалось. Я хотел поднять руку, рука не поднималась. Я хотел сделать шаг назад, нога не шла. Свет тянул. Свет не давал идти назад. Свет не толкал, он просто делал шаг вперёд невозможным назад. Я стоял. Я смотрел на Димку. Димка смотрел на меня и не видел.

— Ник! Ник, где ты?!

Я сделал шаг вперёд. Свет стал ближе. Гудение громче. Димка дальше. Трасса дальше. Мир дальше.

Я сделал ещё шаг.

Свет поглотил меня. Не больно. Не страшно. Не быстро. Не медленно. Просто поглотил.

— Ник! Ник! НИК!

Димка бежал к тому месту, где я стоял. Кричал. Кричал. Кричал. На трассе никого. В лесу никого. Где-то за деревьями никого. Эхо возвращалось по пустой трассе два, три, четыре раза, и дальше ничего. Димка стоял на обочине. Димка не понимал. Димка кричал.

Меня не было.

Глава 2

Техник второго уровня

После целой вечности ожидания, кажется, что-то стало проясняться. Я попытался пошевелить пальцами ног, мне это удалось. Я лежал, распластавшись, на холодной металлической палубе. Кроссовок на мне не было. Я пошевелил пальцами рук. Тоже удалось. Послушной оставалась только правая, тогда как левая запаздывала: казалось, между импульсом мозга и реальным движением залегла едва уловимая, но ощутимая временная пропасть. Я зажмурился, затем вновь распахнул веки — и так трижды. Мало-помалу калейдоскоп перед глазами замер. Однако в каком же проклятом месте меня угораздило очутиться?

В голове не пульсировала острая боль — её заменял ровный, густой гул трансформатора, какой издают агрегаты в подземных залах старых электростанций, где люди не появлялись эпохами, а техника всё крутится. Я дотронулся до основания черепа. Сквозь слипшиеся от крови волосы нашупал рубец. Совсем свежий, влажный. Линия длиной в палец тянулась от темени к шее. Резкой боли не было, только липкая влага. Я отнял руку и в тусклом свете разглядел на пальцах тёмные пятна.

Запах стоял такой, какой бывает в машинных отделениях старых кораблей: масло, озон, что-то химическое, кислое.

Звук, гудение вентилятора где-то наверху, ровное, без перерывов. Свет был тусклый, желтоватый, шедший откуда-то сбоку, из-за угла, из коридора.

Я попытался вспомнить, что было. Зелёный свет в лесу. Димкина «Гранта» на обочине. Димка, кричащий в темноту. Трасса М-7. Кофе в жестяной кружке. Запах масла и меди в будке у скважины. А потом ничего. Сквозь ничего, сквозь ту плотную темноту, что бывает между снами, прошёл этот трансформаторный гул, прошёл холод металла под спиной, прошёл запах озона. И вот я здесь. На палубе. С шрамом на затылке. Без телефона, без поясной сумки, без кроссовок.

Я опустился вниз. Мир перед глазами качнулся. Пришлось переждать. Сбравшись с силами, я сполз ниже, уперевшись спиной в ребристую металлическую перегородку — ту самую ледяную сталь, из которой была сделана палуба. Перевел дух. Поднялся. Замер на секунду. И наконец двинулся в сторону выхода.

Массивная дверь оказалась оснащена примитивным запором подобная конструкция задержала бы меня от силы секунд на пять. Но с учётом моих нынешних физических кондиций на взлом ушло целых пятнадцать.

Оказавшись в коридоре, я огляделся. Коридор был узкий. Металлические стены, ребристые, чуть тёплые на ощупь, что странно для металла. Потолочное пространство пестрело коммуникациями: здесь вились тонкие капилляры и толстые магистрали, одни — в защитной оплетке, другие — «го-

лые», увенчанные маркировками. Знаки на табличках казались абсолютно чужеродными — не буквы привычных алфавитов Европы или Азии. Прочитать надписи мешало странное, словно измененное зрение с темными мушками по периферии обзора, создающее эффект запотевшего стекла. Проведенная по стене ладонь уловила приятное тепло. Трасса коммуникаций тоже излучала мягкий жар. Затаив дыхание, я прислушался к пространству: за перегородками и сплетением труб зарождался низкий, утробный гул, похожий на чересчур медленный, но безошибочно ровный пульс живого существа.

Я шёл по коридору. Пять шагов, и рубка. Нос заострённый, рубка маленькая, два кресла перед пультом, иллюминатор во всю переднюю стену, узкий, вытянутый вверх, как глаз. Я не знал, что это. Я не знал, как сюда попал, не знал, кто меня сюда принёс. Я знал только одно: я здесь, и отсюда надо выбираться.

В рубке был иллюминатор. Я подошёл. За окном, не звёздное небо Земли, не то небо, под которым я засыпал в Димкиной машине. Там была мутная пелена, как в облаке, только плотнее, белее, и в ней что-то мелькало, тени, света, линии, которые я не мог разобрать. Корабль двигался. Не в вакууме, в какой-то среде.

Я тронул стекло. Холодное. Я постоял у иллюминатора минуту. Две. Ничего не прояснилось. В голове у меня что-то шевелилось, будто под черепом, в той точке, где у меня

был шрам, сидит кто-то, кто пытается вспомнить язык, на котором я думаю.

За спиной шаги. Я обернулся.

В дверном проеме рубки стояла фигура, от которой веяло чем-то нечеловеческим. Она была выше меня почти на голову, в темном комбинезоне, а кожа на ее лице и руках отливала тусклым металлическим блеском, как старая монета, стертая временем. В чертах не было ни звериной, ни человеческой ясности — только пугающая, бесконечная усталость. Черные глаза без белков казались двумя провалами в пустоту. И вся его неподвижность говорила не о силе, а о предельном истощении, будто это существо давно дошло до границы, за которой уже не остается ничего. Он сказал что-то. Я не понял. Слова были как глухой стук, без смысла, без интонации, которая мне была знакома. Глухой стук, и всё.

— Где я? — спросил я. По-русски. Своими словами. Своим голосом.

Незнакомец посмотрел на меня. Не понял. Я тоже не понял его, когда он ответил тем же глухим стуком. Мы стояли так секунду, две, три, два гуманоида в рубке корабля, пытаюсь договориться на языках, которых ни один из нас не знал.

— Димка, — сказал я. — Трасса. М-7. Москва. Понимаешь?

Он не понимал. Я не знал, что я надеялся услышать. Я не надеялся. Я просто говорил, потому что молчать было невыносимо.

— Лес, — сказал я. — Зелёный свет. Ты не видел. Никто не видел. Только я.

Гуманоин слушал. Не понимал. Но не перебивал. Я был ему за это благодарен.

— Ладно, — сказал я. — Забудь. Забудь.

А потом в голове у меня что-то лопнуло. Не больно. Резко. Будто открылся клапан, и из него полилось. Сначала отдельные слова. Потом фразы. Потом смысл.

— ...он очнулся. «Сколько у нас времени?» — спросил кто-то за дверью, из коридора, голосом глухим, вторым.

— Три стандартных дня. Потом высадка, — ответил тот, что стоял в дверях.

— Работаете? — спросил он, обернувшись теперь ко мне.

— Чего? — переспросил я. Звук собственного голоса показался чужим: фраза вышла корявой, с неестественными интонациями, словно я пытался воспроизвести заученную по аудио урокам иностранную речь.

— Работаете? Ремонт? Техник?

— Да, — сказал я. — Ремонт. Техник. Да.

— Хорошо.

— А что у вас сломалось?

— Не сейчас. Идём.

— Куда?

— В медицинский отсек. Проверка.

— Какая проверка?

— Твоих имплантов. Они новые. Нужно убедиться, что

работают.

Я кивнул. Это был единственный ответ, который не мог привести к проблемам. Я не знал, где я, не знал, кто они, не знал, что такое «высадка», что такое «стандартный день», что такое «техник» в их словаре. Но внутренний голос шептал, что говорить «нет» — не лучшая идея.

— Идём, — сказал он.

— Иду.

Я следовал за ним, не задавая вопросов о пункте назначения. Будущее — будь то ближайшая минута или целый час — скрывалось в тумане. В сознании пульсировало лишь осознание реальности: я жив, на затылке ноет шрам, а в голове что-то механически щелкает, словно створки шлюза. Левая рука предательски запаздывала на три десятых секунды, живя своей, отдельной жизнью.

Соппротивление бессмысленно: трое против одного. Корабль казался сплошной аномалией. Здесь не было ни привычных кнопок, ни знакомых дверных проемов, ни люков, за которыми могла бы открыться родная земля. Ни Москвы, ни трассы М-7, ни твердой почвы под ногами — только чуждое пространство, в котором я был абсолютно один.

Гуманоид провёл меня по коридору дальше, в маленькую каюту, которая была медицинским отсеком. Здесь было светлее. На стенах белые панели. В углу кушетка, узкая, как носилки. Над кушеткой штанга с мониторами, как в операционной. Он жестом показал: садись. Я сел. Он что-то нажал

на пульте. Один из мониторов ожил. На экране схема, тело. Моё тело. С тремя подсвеченными точками: теменная доля, зрительный нерв, кисти рук.

— Профиль: техник-ремонтник, второй уровень, — сказал гуманоид, медленно, ровным голосом, без выражения, как читал по списку. — Базы: диагностика, механика, электроника, ремонт, энергетические системы, стандартные космические технологии.

— Базы неполные, — добавил он.

— Я вижу, — ответил я. Не знаю, почему я это сказал. Может, потому что действительно видел: на экране, рядом с теми тремя точками, были ещё несколько, тусклые, мигающие, как те лампочки на приборной панели, которые загораются, когда что-то уже сломалось, но машина ещё работает.

— База повреждена. Пиратская. Устаревшая. Содержит ошибки. Несовместима с некоторыми системами. Не имеет многих современных функций. Иногда неправильно интерпретирует древние технологии, — перечислил судя по всему корабельный доктор.

— Чьи древние?

— Не наши.

— А чьи?

— Это не входит в твой профиль.

— Что входит в мой профиль?

— Ремонт. Диагностика. Механика. Электроника. Энергетические системы. Стандартные космические технологии.

Список я тебе прочитал.

— А если я столкнусь с тем, чего нет в списке?

— Тогда ты ошибёшься.

— И что?

— И ничего. Это твоя проблема.

— А если я сломаю что-нибудь из-за ошибки?

— Тогда тебя убьют. Или продадут. Или выбросят. По обстоятельствам.

— Кто убьёт?

— Капитан.

— За любую ошибку?

— За любую, которая будет стоить дороже, чем ты.

— А я сколько стою?

— Восемь миллионов.

— Это много?

— Это средне.

— Убить будет дешевле?

— Нет. Продать будет дороже. Поэтому тебя будут продавать, если ты не будешь работать.

— А если буду?

— Тогда будут использовать.

— Долго?

— Пока работает.

— А потом?

— Потом продадут. Или выбросят.

— Третьего не дано?

— Третьего не дано.

Я посмотрел н. Лицо его не изменилось. Он не шутил. Он не угрожал. Он сообщал. Как Димка, когда говорил, что насос третий раз за лето сломался. Как мать, когда говорила, что завтра у неё варенье варится и мне придётся приехать. Констатация. Я был здесь констатацией.

— Кто вы? — спросил я.

— Аркан.

— Это имя?

— Это раса.

— А у вас есть имена?

— Есть. Но ты их не услышишь.

— Почему?

— Потому что ты не из клана.

— Какого клана?

— Любого. Ты вне клана. Ты ничей.

— А вы?

— Я из клана Вейр.

— Это что?

— Торговля. Мы тебя продадим.

— Вы меня уже продали.

— Нет ещё. Продадим на Перекрёстке.

— Куда?

— Перекрёсток. Место, где сходятся торговые пути. Там тебя передадут.

— Кому?

— Тому, кто заплатит.

Я посмотрел на свои руки. Под кожей, на тыльной стороне ладоней, на запястьях, до локтей, шли тусклые линии, как нити, как паутина, но не сосуды. Я поднял правую руку. Нормально. Я поднял левую. С задержкой. Будто между тем, как я решил поднять руку, и тем, как она поднялась, прошла целая пауза. Я тронул левой рукой правую. Левая была как в перчатке. Невидимой, но плотной.

— Левая, повреждение. Время реакции ноль и три — сказал аркан.

— Ноль и три секунды?

— Да. Привыкнешь. Или умрёшь.

— Я не привыкну. Я исправлю.

— Как?

— Не знаю. Но исправлю.

Аркан посмотрел на меня. Что-то изменилось в его лице. Не улыбка. Скорее, удивление. Очень короткое удивление, на четверть секунды, и снова усталость.

— Может быть. Это было бы интересно — сказал он. — Никто из тех, кого мне давали, не говорил «исправлю».

— А что они говорили?

— Ничего. Они привыкали.

— И?

— И умирали. Или не умирали. Это зависело не от них.

— А от кого?

— От обстоятельств. От их работоспособности. От удачи.

— Удача есть?

— Иногда.

— У меня будет?

— Не знаю. Я не вижу.

Я хотел спросить, что он не видит. Не спросил. Не сейчас. Не здесь. Не от него. Я сел удобнее, положил руки на колени, левую чуть дальше от правой, и стал ждать, что будет дальше.

Через двадцать минут в медицинский отсек вошёл второй аркан. Я понял, что это капитан, по тому, как первый аркан встал, когда тот вошёл, по тому, как он кивнул, коротко, как человек, который привык, что ему кивают, а не он. Капитан был ниже первого, но шире, и кожа у него была темнее, почти бронзовая, с тем же металлическим оттенком. Лицо, не усталое, а спокойное, но тем спокойствием, которое бывает у людей, которые устали так давно, что усталость стала лицом.

— Идём, — сказал он мне.

Я пошёл за ним. Через коридор, через шлюз, в машинное отделение. Здесь было жарко, и пахло так, как пахнет в тех местах, где машина долго работает на износ: масло, горелый пластик, пот чужой расы, который пахнет так же, как наш, только чуть резче. Капитан подвёл меня к панели, на которой стояла навигационная консоль. Точнее, лежала, потому что половина её была снята, и под ней были провода, куча проводов, среди которых я мог различить те, что были перебиты, те, что были оплавлены, и те, что были целы, но выглядели так, будто их трогали руками, которые не знают, как трогать.

— Сломана. Почини — сказал капитан.

Я посмотрел. Экран мёртв. Клавиши, несколько сломано, несколько нажималось, но без щелчка. Я открыл панель дальше, открутил два винта, которых не было в схеме, но которые были здесь, в реальности, положенной чужими руками. Внутри, провода, метр проводов. Несколько перебито. Один подгорел, у самого основания, у разъёма.

В голове у меня что-то шевельнулось. Голос, не голос, скорее, надпись, как на экране, только в голове: «Диагностика. Гипотеза один: сгорел транслятор шины. Гипотеза два: обрыв связи с Маэстро. Гипотеза три: повреждение матрицы ввода».

Я не знал, что такое Маэстро. Но я знал, что такое гипотеза, и я знал, что такое проверка.

— Что такое Маэстро? — спросил я капитана.

— Корабельный искин.

— У вас есть искин?

— У каждого корабля есть искин.

— А почему он не чинит консоль сам?

Капитан посмотрел на меня. Тем же взглядом, каким первый аркан смотрел на меня, когда я сказал «исправлю». Короткое удивление. Потом усталость.

— Потому что он сломан, — сказал капитан.

— Искин?

— Искин.

— А кто его починит?

— Не ты.

— Почему?

— Потому что ты, техник-ремонтник второго уровня. Профиль не включает искинов. Профиль включает диагностику, механику, электронику, ремонт, энергетические системы, стандартные космические технологии.

— Это список.

— Да.

— Я видел списки покороче, которые работали лучше.

— Это не мой список. Это список тех, кто тебя сделал.

— Меня никто не делал. Я родился.

— Не в этом смысле.

— А в каком?

— В этом, — капитан указал на мой затылок, на шрам.
— Здесь тебя сделали. Здесь ты стал техником-ремонтником второго уровня. До этого ты был чем-то другим.

— Я был человеком.

— Ты и сейчас человек.

— Тогда зачем вы мне это сделали?

— Потому что нам нужен техник.

— Любой?

— Любой, который умеет чинить.

— А если бы я не умел?

— Тогда бы тебя здесь не было.

Я посмотрел на него. Лицо его не изменилось. Не угрожал. Не шутил. Сообщал. Я был инструментом. Меня похитили,

попользовали, поставили на полку. Когда инструмент нужен, его берут. Когда не нужен, его ставят обратно. Инструмент не спрашивает, зачем он нужен. Инструмент чинит. Инструмент молчит.

Первая гипотеза. Я проверил тем, что было под рукой, тем, что нашёл в ящике рядом: щупом, с дисплеем, с кнопками, незнакомым, но я освоил его за минуту. Транслятор шины, цел. Первая гипотеза нерабочая. Отбросил.

Вторая гипотеза. Обрыв связи с Маэстро. Я не знал, что такое Маэстро, но щуп показывал, что связь есть, что-то там, в глубине консоли, отзывается, мигает, отвечает. Вторая гипотеза не подходит. Отбросил.

Третья гипотеза. Матрица ввода. Я проверил. Частично да, но это не объясняло мёртвый экран.

Я сидел, смотрел. Четыре минуты. Пять. Капитан стоял рядом, молчал. Это было рабочее молчание, молчание человека, который ждёт, когда другой доделает дело.

— Дайте мне инструмент, — сказал я.

Капитан достал из ящика другой инструмент. Не мультиметр, но похожий. С дисплеем, со щупами, с кнопками. Я освоил его за минуту.

— Мультиметр был бы лучше, — сказал я.

— Что?

— Ничего. Я привыкну.

Я прозвонил цепь, добравшись до того самого конденсатора. Он казался абсолютно здоровым: никаких следов

оплавления, запаха или аномального нагрева. Но тестер был неумолим — внутренний пробой. Бывает, что вещь выглядит живой, но уже не функционирует. Разница между "работает" и "сломано" часто скрыта глубоко внутри. Именно в умении выявить такой скрытый дефект и состоит мастерство ремонтника. Я перепаял. Первая попытка, деталь из ящика, не подошла. Слишком велика. Вторая, тоже не подошла, мала. Третья, криво, ножки не вставали, я подгибал, выправлял, вставлял, и наконец встало. Криво. Но встало.

Я собрал. Включил.

Экран загорелся. Криво, с чёрной полосой по левой стороне, мерцая, но загорелся. Клавиши, часть не отвечала. На экране побежали буквы, те же, что на стенах в коридоре. Маэстро, корабельный искин, отозвался из глубины консоли коротким гудком, как человек, который проснулся, но ещё не понял, где он.

— Достаточно. Нам хватит — сказал капитан.

— Я могу лучше. Дайте мне время и детали.

— У тебя три дня. Деталей, что найдёшь.

Он посмотрел на меня. Не уважение. Не презрение. Расчёт. Тем взглядом, каким Димка смотрел на меня у скважины, когда я починил насос, только без дружбы, без пива, без варенья от бабки в Ховрино. Я был товаром. Меня похитили. Меня будут использовать, пока я работаю. Когда перестану, меня высадят.

— Что с вами случилось? — спросил я.

— Не твоё дело.

— С консолью. Я про консоль.

— Мы попали в плазменный шторм. Шторм сжёг половину электроники. Мы выбрались, но консоль, навигация, ещё несколько систем. Мы дотянули до ближайшего места, где можно было купить техника.

— Купили. Не наняли?

— Купили.

— Где?

— Это не твоё дело.

— Сколько?

Капитан посмотрел на меня. На этот раз без удивления. С тем же расчётом.

— Восемь миллионов.

— Кредитов?

— Кредитов Вейара.

— Кредитов много?

— Достаточно, чтобы тебя не выбросить.

— А если бы я не починил?

— Тогда бы мы тебя выбросили.

— А я бы тогда?

— Тогда бы ты был на одну единицу техники дешевле.

— Понял.

— Хорошо.

Я посмотрел на консоль. На мерцающий экран. На мёртвую полосу. Это очень похоже на насос у Димки. Та же ло-

гика. Гипотеза, проверка, отбрасывание. Только насос стоил восемь тысяч, а я стоил восемь миллионов. В остальном, всё то же.

— Капитан, — сказал я.

— Что?

— Кто вас нашёл? После шторма?

— Сигнал передатчика.

— Вашего?

— Нет. Твоего.

— Моего?

— У тебя в затылке маяк. Его вставили вместе с остальным. Он подал сигнал, когда ты оказался в радиусе. Мы тебя нашли.

— Нашли где?

— На твоей планете.

Я замолчал. На секунду. На две. На пять. Земля. То есть я был на Земле. Я был в лесу у трассы М-7. Я видел зелёный свет. Я шёл на него. Я исчез. А потом я очнулся здесь, на палубе, с шрамом на затылке, с пиратской нейросетью в голове, с левой рукой, которая отстаёт на ноль и три секунды.

— Вы меня украли? — спросил я.

— Купили.

— У кого?

— У тех, кто тебя нашёл.

— Кто нашёл?

— Это не твоё дело.

— Это моё дело. Это я.

— Это было твоё дело. Теперь нет.

— Чьё теперь?

— Моё. Я заплатил.

— А те, кто нашёл?

— Они ушли.

— Куда?

— Не знаю. Ушли. Сигнал погас. Они за пределами.

— За какими пределами?

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответ.

— А какие хочу?

— Никаких. Хочешь только чинить. Остальное, не твоё.

— Почему?

— Потому что ты техник-ремонтник второго уровня. Не следователь. Не разведчик. Не аналитик. Техник. Чини.

— Я понял.

— Иди.

— Куда?

— Сюда. К консоли. У тебя три дня.

— Через три дня, Перекрёсток, — сказал капитан. — Там ты и сгниёшь.

Он вышел. Я остался. Сел на пол, рядом с консолью, которую я починил криво, с мёртвой полосой и тремя неработающими клавишами. Сел, посмотрел на свои руки, на тусклые линии под кожей, на левую, которая отставала на ноль

и три. На экран, который мигал. На дверь, в которую вышел капитан.

Через три дня, Перекрёсток. Я не знал, что такое Перекрёсток, лингва, Маэстро, прыжковый контур. Я не знал ничего. Кроме одного. Я умел чинить. У меня было три дня. И упрямство. Я попробую. Как чинил насос у Димки. Как стиралку на Чертановской. Без жалости. Без страха. Просто потому, что вещь не работала. А я не любил, когда вещи не работают. Это моя единственная черта. Остальное, производное. Шрам в затылке не мог её изменить. Чужой корабль не мог. Чужой язык в голове не мог. Я буду чинить. Пока я здесь. Пока жив. Пока есть руки, даже одна отстаёт на ноль и три.

Глава 3

Цена человека

Утро второго дня началось не с пробуждения, а с разговора. Я лежал на кушетке в медицинском отсеке, где меня оставили на ночь, и слушал, как за переборкой два аркана говорят обо мне. Сначала отдельные слова. «Восемь миллионов». «Дешевле, чем реактор». «Третий в этом году». Я лежал и слушал. Минуту. Две. Три. Слова складывались в смысл. Смысл складывался в знание. Знание складывалось в цену. Я стоил восемь миллионов кредитов Вейара. Это много или мало, я не знал. Но я понял одно: меня купили. Меня будут продавать. Если не купят, выбросят. Третьего в этом году.

«Третий в этом году». Я повторил это про себя. Третий. Значит, до меня был второй. До второго был первый. Значит, это не случайность. Это бизнес. Это поток. Поток, в который меня впустили, как впускают деталь в конвейер. Деталь не выбирает конвейер. Деталь едет. Я лежал на кушетке, смотрел в потолок, считал про себя. Если третий в этом году, значит, до меня в этом году было два. Значит, за прошлый год, наверное, ещё три или четыре. За десять лет, наверное, тридцать или сорок. Порядка четырех десятков душ оставили след на этом судне, подчинялись этому шкиперу, изучали изнутри эти стальные перегородки и больничную койку. Че-

тыре десятка отметин на затылочных костях. Четыре десятка нелегальных нейроимплантов. Четыре десятка клятв вроде «я перетерплю, я перестрою себя», которые, судя по всему, никто так и не выполнил. Судьба предшественников оставалась для меня загадкой. Уцелел ли хоть кто-то? Сбыли ли их с рук, вышвырнули в открытый космос или они сгнули на каком-то заброшенном Перекрестке, о котором я еще не имел понятия? Бесспорным оставалось лишь одно: я — третий бедолага за этот год. И чтобы не пополнить статистику следующего года в качестве четвертой жертвы, чей стон случайно услышат за стеной, требовалось срочно действовать. План отсутствовал. Но потребность действовать была осязаемой. Я поднялся на ноги. В черепе больше не полыхало вчерашнее пламя — гул стал глуше и монотоннее, словно вживленный в голову силовой блок наконец-то вошел в штатный режим. Я потрогал шрам. Не болело. Но и не зажило. Линия сантиметра в три, идущая от темени вниз, чуть влажная, чуть тёплая. Я подошёл к умывальнику. Зеркало над раковиной было маленькое, мутное, из того стекла, которое не собирается показывать тебя лучше, чем ты есть. Я посмотрел. Лицо обычное. Подмосковное. Те же глаза, которые я видел каждое утро последние двадцать шесть лет. Те же скулы, тот же нос, та же щетина, которую я не брил три дня. Шрам я в зеркале не видел, он на затылке. Но я знал, что он есть. Я тронул его снова. Под пальцами, под запёкшейся корочкой, что-то шевельнулось, будто под кожей сидел ещё один пульс, вто-

рой, медленнее первого. Я поднёс палец к виску. Там пульс был обычный, быстрый, мой. Я поднёс к затылку. Там пульс был медленнее, ровнее, не мой. Я не знал, что это. Может, имплант. Может, кристалл. Может, я уже не совсем я. Я решил, что это не имеет значения. Я был я, пока я мог чинить.

Я вышел в коридор. Никто меня не остановил. Арканов в коридоре не было. Я пошёл по челноку, запоминая расположение. Рубка там, где я её оставил. Машинное отделение за шлюзом, по правому борту. Кают-компания между рубкой и машинным, крошечная, со столом, приваренным к полу, и тремя креслами, тоже приваренными. Шлюз в хвосте. Склад за шлюзом, за дверью с кодом. Аналитик подсказал код. Три цифры, я их не запомнил, но рука набрала правильно, будто знала.

Дверь склада открылась с тем коротким шипением, какое бывает в кораблях, где давление держат вручную, а не машиной. Внутри склада было тесно, пахло тем же машинным маслом, что и в коридоре, только гуще. На полках инструменты. Несколько знакомых: универсальные отвёртки, паяльник, близко к земному, мотки провода, изолента, кусачки. Несколько тестеров. Один, с дисплеем и щупами, я уже видел, капитан давал мне его вчера, когда я чинил консоль. Аналитик подсказал: «Анализатор поля. Уровень три». Я не знал, что это значит. Но я запомнил: тёмный корпус, четыре кнопки, дисплей с зелёными буквами. Я включил его. Дисплей мигнул, показал какие-то цифры, потом погас. Я

выключил. Я не знал, что с ним делать. Но я знал, что когда-нибудь буду знать.

Другой инструмент, со сканером, с тремя антеннами наверху, я не включал. Я взял его в руки, повертел. Тяжёлый, тёплый, как будто внутри что-то работало, даже когда он был выключен. Аналитик подсказал: «Тестер цепей. Уровень два». Я положил его на место. Третий, в углу, под тряпкой, я бы не заметил, если бы не краешек, торчащий наружу. Я сдёрнул тряпку. Под ней лежал тот самый незнакомый прибор, который я уже видел в медицинском отсеке, в руках у первого аркана. Что-то похожее на пистолет, только без дула, с плоской пластиной на конце. Аналитик подсказал: «Парализатор. Уровень один. Не включать». Я не включил. Я положил тряпку обратно. Я решил, что запомню, где он лежит. Может, это важно.

В углу склада, в шести защитных гильзах, лежали этерионские кристаллы. Я бы их не заметил, если бы Аналитик не подсказал. Гильзы были тёмные, матовые, с теми же незнакомыми буквами, что и на стенах. Я тронул одну. Тёплая. Не как металл, не как пластик. Тёплая, как кожа. Я тронул сильнее. Вибрация пошла в пальцы, мелкая, ровная, будто кристалл дышал. Я стоял так секунду. Две. Три. Аналитик подсказал: «Этерионский кристалл. Прыжковый контур». Я не знал, что это значит. Но я запомнил: тёплый. Дышащий. Живой. Я убрал руку. Кристалл продолжал дышать. Я стоял в складе, окружённый инструментами, которых не понимал,

и кристаллами, которые дышали, и думал, что это очень похоже на чей-то чужой сарай, в котором лежат инструменты, к которым хозяин привык, а я нет. Только этот хозяин был арканом. И сарай был кораблём. И я был частью его инвентаря.

Я вышел из склада, закрыл дверь, набрал код в обратную сторону. Код запомнился. Я не знал, что с ним делать. Но я знал, что запомнил.

В кают-компании я встретил капитана. Он сидел за столом, пил что-то тёмное из маленькой фляги. Не кофе, не чай, не вода. Тёмное, густое, с тем запахом, который я не мог разобрать, но который напоминал мне запах йода, только слаще. Капитан не ел. Не смотрел на экран. Не разговаривал. Сидел, пил, смотрел в стену. Я постоял в дверях. Он обернулся. Не сказал ничего. Жест: садись, если хочешь. Я сел.

— Капитан, — сказал я. — Как вас зовут?

— Кэп.

— Это имя?

— Так меня называют на корабле.

— А у меня...

— У тебя ничего. Ты товар.

— У товара есть цена?

— Есть. Восемь миллионов.

— Я слышал.

— Слышал?

— Я слышал, как вы говорили за переборкой. Восемь миллионов. Дешевле, чем реактор. Третий в этом году.

Капитан помолчал. Потом сказал:

— Стены тонкие.

— Я слышал.

— Это плохо.

— Что я слышал?

— Что ты понимаешь лингва.

— Я не выбирал.

— Я знаю. Но это меняет.

— Что меняет?

— Тебя нельзя больше держать в неведении. Ты знаешь, что ты товар. Ты знаешь, сколько ты стоишь. Ты знаешь, что тебя купили.

— Я знал это вчера.

— Вчера ты не знал, что знаешь.

— Это одно и то же.

— Нет. Вчера ты был товаром, который не знает. Сегодня ты товар, который знает. Это разные товары.

Мой взгляд скользнул по лицу капитана: оно было совершенно безмятежным, без признаков злости или насмешки. Констатация. Я выступал в роли товара, который отлично понимает свою цену и назначение. Командир раскусил меня мгновенно. Я раскусил его тоже. Мы сошлись в этом понимании. Пожалуй, это был редчайший случай, когда наше видение ситуации полностью совпадало.

Заметив некоторую заторможенность в его движениях, я решил, что капитан успел неплохо принять на грудь.

— Вы не пьёте? — спросил я.

— Пью. Но тебя это не касается.

— Простите.

— Не извиняйся. Извинения — это расписка.

— В чём?

— В слабости.

— Я понял.

— Хорошо.

— Вы всегда так говорите? Коротко?

— Я не трачу слова. Слова — это ресурс. Ресурс не бесконечный.

— Как кристаллы?

— Как кристаллы.

— Они дышат.

Капитан посмотрел на меня. На этот раз что-то изменилось. Не улыбка. Скорее, любопытство.

— Ты трогал?

— Трогал.

— И?

— Тёплые.

— Это их свойство.

— Это странно.

— Это физика. Не всем физикам должно быть привычно.

— Я привыкну.

— Ты говоришь это второй раз.

— Что?

— «Я привыкну». Вчера. Сегодня. Ты говоришь это как мантру.

— Может быть, это и есть мантра.

— У арканов нет мантр.

— У меня есть.

— Ты не аркан.

— Я знаю. Но мантра моя.

Капитан замолчал. Допил из фляги. Поставил её на стол. Жест: иди. Я пошёл.

Я провёл с капитаном ещё два дня. За эти два дня я узнал о нём следующее. Он спал четыре часа, я засек. Остальное время он был на ногах. Он проверял системы, говорил с Маэстро через консоль, читал что-то на экране, иногда подолгу, иногда коротко. Он не ел в кают-компании. Он ел в одиночестве, в своей каюте. Он не пил ничего, кроме того, тёмного из фляги. Он не повышал голос. Не ругался. Не улыбался. Он был профессионал. Не пират-любитель, не бандит с большой дороги, не безумец, который купил человека, потому что ему было скучно. Контрактник. Человек, который возил живой груз как регулярный бизнес. Это было страшнее, чем если бы он был бандитом. Бандит может устать. Бандит может напиться. Бандит может ошибиться. Профессионал не устаёт, не напивается, не ошибается. Он просто работает. Я был частью его работы.

Я решил: капитана нельзя недооценивать. И нельзя провоцировать. Единственный путь быть полезным и незамет-

НЫМ.

Я попробовал быть полезным. Я починил в кают-компании сломанный охладитель. Потом починил ту оплавленную розетку в коридоре, мимо которой я ходил дважды в день. Потом нашёл в машинном отделении подтекающий патрубков, перетянул хомут. Капитан ничего не сказал. Но я заметил, что он стал давать мне доступ к большему. На третий день он оставил мне код от склада, не дожидаясь, пока Аналитик подскажет. Это был, наверное, высший знак его одобрения. Или расчёта. Я не знал, какой из этих двух важнее. Наверное, второй. С капитаном второй всегда был важнее.

Третий день. Я стоял в рубке, капитан разрешил. Я смотрел в иллюминатор. Тот же мутный поток белизны, что и в первый день, шёл мимо стекла. Но гудение корабля изменилось. Аналитик подсказал: «Прыжковый контур, охлаждение. Восемь часов до следующего». Я не знал, что это значит. Но я понял: мы вышли из прыжка. Мы были в обычном пространстве. Белизна за стеклом начала таять. Сначала редела. Потом темнела. Потом лопнула. И в окно хлынуло чёрное, с точками света, с тем спокойствием, какое бывает только в пустоте. Мы были в космосе. Настоящем космосе. Не в той мути, что течёт между прыжками.

— Выйдешь из контура через час, — сказал капитан. — Скоро увидишь.

— Что увижу?

— Перекрёсток.

Восемь миллионов. Я повторил это про себя, потом вслух.

— Восемь миллионов, — сказал я.

— Кредитов, — уточнил капитан, не оборачиваясь.

— Это много?

— Реактор стоит двенадцать. Малый кристалл половину.

— То есть я дешевле кристалла.

— Дешевле нового. Дороже б/у.

Я не знал, обидно ли мне. Странно, но не обидно. Я был товаром. Товар не обижается. Товар либо дорожает, либо дешевеет. Я решил подорожать. Я не знал, как. Я не знал, что вообще можно сделать, чтобы подорожать. Но я знал одно: я не буду жаловаться. Жалоба — это расписка в собственном бессилии. Я уже расписывался один раз, когда зелёный свет забрал меня с обочины. Я не хотел расписываться второй раз.

— Ты не обижен? — спросил капитан.

— Обижаются на людей. Ты не человек. Ты капитан.

— Хороший ответ.

— Я не стараюсь ответить хорошо. Я стараюсь ответить правильно.

— Это одно и то же.

— Нет. Хорошее это когда тебе нравится. Правильное это когда меня не убивают.

Капитан помолчал. Потом сказал:

— Через два дня Перекрёсток. Я продам тебя Вейру, если возьмут. Или выброшу. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Хороший ответ.

— Это тот же ответ.

— Я знаю. Но он всё ещё хороший.

Я не знал, шутит ли он. Я не знал, умеют ли арканы шутить. Но я решил, что, если они умеют, это не так уж плохо. Шутка — это признак того, что ты не собираешься меня убивать прямо сейчас. Прямо сейчас это уже что-то.

— Капитан, — начал я, — как мне повысить свою стоимость?

Он замер, изучая меня. В этот раз в его взгляде не было ни тени привычного скепсиса или утомления. Скорее, это было искреннее любопытство, переходящее в уважение.

— Ты хочешь знать, как стать незаменимым? — уточнил он.

— Именно.

— Тогда запомни: никогда не показывай всё, на что способен. Пусть твой интеллект будет твоим секретом. Будь полезен, но не навязчив. И самое главное — умей держать язык за зубами, даже когда тебе не терпится доказать свою правоту.

— И тогда?

— Тогда ты будешь стоять двенадцать. Как реактор.

— А потом?

— Потом ты будешь стоять больше. Но не здесь. Не со мной. С теми, кто купит.

— Кто купит?

— Я не знаю. Я продаю. Кто купит, тот купит. Может, клан. Может, торговец. Может, дорн. Я не спрашиваю. Я продаю.

— А если никто не купит?

— Тогда я тебя выброшу.

— Куда?

— На Перекрёсток.

— И?

— И ты умрёшь. Или выживешь. Это будет зависеть от тебя.

— От меня?

— От твоего упрямства.

Встретившись взглядом с капитаном, я понял: он отлично помнит ту фразу из медотсека в день нашего знакомства — про то, что я никакой не эксперт, а просто упрямец. Вылетело ли это у него из головы? Как бы не так. Хорошо это или плохо? Скорее, нейтрально. Естественный порядок вещей. Он здесь главный, его дело — подмечать мелочи. Я — ходячий товар. Я говорил — он мотал на ус. Теперь говорит он, а я молча внимаю. Пожалуй, это единственная сделка, которая меня устраивала.

— Капитан, — сказал я.

— Что ещё?

— Кто были первые два? В этом году.

Капитан не ответил сразу. Допил из фляги. Поставил на

стол. Посмотрел на меня тем же взглядом, каким смотрел на кристаллы, когда проверял их перед прыжком. Не на меня. Сквозь меня.

— Зачем тебе?

— Чтобы знать, что со мной будет.

— Ты не хочешь этого знать.

— Я хочу.

— Первый умер на Перекрёстке. Через неделю после высадки. Его убили местные. За инструменты.

— А второй?

— Второй жив. Где-то. Я не знаю где. Его купил клан. Не помню, какой. Он был инженером. Настоящим. Не как ты.

— А я?

— Ты ремонтник. Это разные вещи.

— Я знаю. Мне уже говорили.

— Кто?

— Друг. На Земле.

— У тебя там был друг?

— Был.

— Он знал?

— Что я ремонтник? Да. Он знал.

— И что он говорил?

— Что я не создаю. Что я сохраняю.

— Это правильно.

— Я знаю.

— Но недостаточно.

— Почему?

— Потому что сохранение стоит дёшево. Создание дорого. Сохранение — это работа. Создание это имя. У работы есть цена. У имени есть цена. Цена разная.

— Я понимаю.

— Хорошо.

Я кивнул. Капитан встал. Допил флягу до дна. Поставил на стол. Жест: всё. Иди.

— Капитан, — сказал я.

— Что ещё?

— А тот, что жив. Что он делал, чтобы выжить?

— Он работал.

— Я тоже буду работать.

— Ты работаешь. Но он работал лучше.

— Чем?

— Он знал, что делать. Ты не знаешь.

— Я научусь.

— У тебя не будет времени.

— Почему?

— Перекрёсток не ждёт. Перекрёсток берёт. Берёт быстро. Кто не успел научиться, тот не научится.

— А кто успел?

— А кто успел, тот работает.

— Сколько у меня времени?

— Дня три. Может, неделя. Если повезёт.

— А потом?

— А потом либо ты научился, либо ты не научился.

— А если не научился?

— Тогда ты четвёртый в следующем году.

— Я понял.

— Хорошо.

Я стоял у иллюминатора. Сначала я видел точку. Серую, едва заметную на фоне чёрного. Потом точка стала шаром. Серым, ржавым, с пятнами зелёного и чёрного. Шар рос. Сначала медленно. Потом быстрее. Я не понимал, что вижу. Я думал, планета. Обычная, серая, унылая. Потом я увидел детали. Поверхность шара не была поверхностью. Это были обломки. Корабли. Корпуса. Антенны. Дроны. Целые горы ржавчины. Целые корабли, лежащие на боку, как спящие киты на берегу. Целые корпуса, разорванные, вывернутые, с торчащими внутренностями проводов и труб. Антенны, погнутые, как вопросы. Дроны, замершие в позах, в которых их застала гибель. Всё это было размером в километры. Километры ржавчины. Километры металла. Километры чужих бед.

— Свалка, — сказал капитан.

— Что это?

— Конкорд, Лига, Орден, Домен. Все скидывают сюда. Мусор.

Я не знал, кто такие Конкорд, Лига, Орден, Домен. Я не знал, что они скидывают. Но я понял главное: всё это чей-то мусор. И я буду жить в этом мусоре.

— Сколько людей там, на поверхности? — спросил я.

— Людей? Ни одного. Только местные.

— Местные это кто?

— Арканы. Каэры. Вархи. И мусор. Только мусор.

Я посмотрел на капитана. На его серое, бронзовое, спокойное лицо.

— Я тоже мусор? — спросил я.

— Ты пока что товар. Через два дня будешь либо товаром, либо мусором. Решай сам.

— Капитан, — спросил я. — А вы там были? На поверхности?

— Был. Два раза.

— И?

— И не понравилось.

— Почему?

— Там плохо.

— Плохо как?

— Плохо всем. Плохо всегда. Плохо надолго.

— А вы?

— А я не остался.

— Почему?

— Потому что у меня корабль. У них нет.

— А у меня?

— У тебя руки.

Я посмотрел на свои руки. На тусклые линии под кожей, на левую, которая отставала на ноль и три секунды. Руки.

Это было всё, что у меня было. У капитана был корабль. У арканов был язык. У кристаллов было дыхание. У меня были руки. И упрямство. Я решил, что это, наверное, достаточно. Я не знал. Но я решил.

— Капитан, — сказал я.

— Что?

— Что мне взять с собой?

— Что хочешь.

— У меня ничего нет.

— Возьми инструмент.

— Из склада?

— Из склада.

— А вы?

— А я разрешаю.

— Почему?

— Потому что ты будешь стоять дороже, если у тебя будет инструмент.

— Спасибо.

— Не благодари. Я не дарю. Я инвестирую.

— Я понял.

— Хорошо.

— Капитан, — сказал я.

— Что ещё?

— Если я выживу. Если я подорожаю. Если меня купят.

Я вас увижу?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не возвращаюсь.

— Никогда?

— Никогда.

— А если мне нужно будет вас найти?

— Тебе не нужно будет.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю. Те, кто выживают, не ищут капитана. Они ищут другое.

— Что?

— Сам потом поймёшь.

— А те, кто не выживают?

— А те не ищут ничего.

— Я понял.

— Хорошо.

Я решил. Я не хотел быть мусором. Я хотел быть товаром. А потом я хотел стать чем-то, что не мусор и не товар. Чем-то, чему нет названия. Я ещё не знал слова «клан». Но я уже знал направление. Я не знал, что это направление к Ядру.

Корабль снижался. Поверхность приближалась, детали становились видны. Целые корабли лежали на боку. Корпуса, некоторые целые, некоторые разорванные. Антенны, погнутые, как вопросы. Дроны, замершие в позах, в которых их застала гибель. Где-то там, среди всего этого, была торговая площадка, где меня будут продавать. Или выбросят. Я не знал, что меня ждёт. Я не знал, кто такие арканы, каэры,

вархи. Я не знал, как выжить на свалке. Я не знал, как подорожать. Я не знал ничего. Кроме одного. Я умел чинить. У меня было два дня. И упрямство. Я попробую. Так же, как чинил насос у Димки. Так же, как чинил стиралку на Чертановской. Так же, как чинил навигационную консоль вчера. Без жалости. Без страха. Просто потому, что вещь не работала. А я не любил, когда вещи не работают. Это моя единственная черта. Остальное, производное. Шрам в затылке не мог её изменить. Чужой корабль не мог. Чужой язык в голове не мог. Я буду чинить. Пока я здесь. Пока жив. Пока есть руки, даже одна отстаёт на ноль и три. Я буду чинить.

Глава 4

Планета свалка.

Челнок сел на торговую площадку в Восточном секторе. Я вышел. Первый вдох дался мне с трудом. Воздух пах ржавчиной, гарью, чем-то химическим. Густой, плотный, тёплый, он шёл в лёгкие, как вода через фильтр, только без фильтра. Я вдохнул ещё раз. Глубже. Запах усилился. Я понял, что первый вдох был пробный, а теперь настоящий, и что настоящий оказался тяжелее пробного. Это было неправильно, но я не знал, как здесь правильно.

Небо над головой было низкое, грязно-жёлтое. Солнца не было видно. Только светящееся пятно, размытое, будто его затянуло облаками или атмосферой. Я стоял на трапе и смотрел. Вокруг, обломки. Корпуса кораблей, как горы ржавого металла, высокие, тёмные, с обрывками надписей на бортах. Между ними узкие проходы, заваленные мелким мусором, проволокой, кусками пластика. Корпуса стояли, как стояли, может быть, десятилетия, может быть, века, и никто их не убирал. Это была не свалка в том смысле, в каком у нас на Земле бывают свалки. Это была свалка, на которой жили. Это был город, сделанный из мусора. Это был мир, сделанный из мусора. Я подумал, что есть в этом что-то честное. У нас на Земле города сделаны из камня, а под камнем, мусор, и мы делаем вид, что мусора нет. Здесь мусор снаружи,

и никто не делает вид. Это, наверное, проще.

На площадке стояли ящики, бочки, какие-то механизмы, частично целые, частично разобранные. Несколько арканов, рабочие, грузчики, безликие в своих тёмных комбинезонах, двигались между ними. Никакого внимания на челнок они не обращали. Челноки здесь садились часто. Один из арканов, тот, что стоял ближе ко мне, обернулся, посмотрел на меня коротко, отвернулся. Я понял, что он меня увидел. Я понял, что он меня не запомнил. Я был для него, как ящик. Ящик, который кто-то привёз.

Капитан вышел следом. Жест, идём. Я пошёл. Не потому что хотел. Потому что некуда было идти без него. Мой рюкзак был за спиной. В нём, мультиметр, паяльник, моток провода, фляга с водой, всё, что капитан счёл нужным мне дать, когда понял, что приёмщик не возьмёт меня по полной цене. Ничего лишнего. Ничего личного. Я был товаром, который не удалось продать дорого, и капитан собирался продать меня дёшево, чтобы хотя бы отбить топливо.

По дороге к конторе один из рабочих-арканов, тот, что стоял у бочки, обернулся. Посмотрел на меня. Сплюнул.

— Новенький? — спросил он у капитана.

— Техник, — ответил капитан, не оборачиваясь.

— Чей?

— Пока ничей.

— Вейр?

— Будет видно.

— Если Вейр не возьмёт, иди к Торр. Они берут всех.

— Это мой товар, — сказал капитан. — Я сам решу, кому отдать.

— Ладно, ладно. Я просто говорю.

— Не говори.

Рабочий замолчал. Я шёл за капитаном, и думал, что «новенький», это уже что-то. Это не «товар». Это не «техник». Это «новенький». Это слово, которое значит, что до меня были другие. Что до меня были другие новенькие. Что я не первый, и не последний. Что Перекрёсток ест людей, и что кто-то должен приходить, чтобы Перекрёстку было что есть. Я не знал, был ли это хороший знак. Я не знал, какой он, знак. Я шёл дальше.

Капитан провёл меня через площадку, мимо ящиков, мимо бочек, мимо арканов-грузчиков, к маленькому строению, пристроенному к корпусу большого корабля. Строение было из ржавого металла, как и всё здесь. Дверь была приоткрыта. Капитан вошёл без стука. Я зашёл за ним. Внутри, стол, заваленный электронными платами, инструментами, какими-то мелкими деталями. За столом сидел толстый аркан с потёртым лицом. Не злым, не добрым. Потёртым, как старая монета.

— Товар, — сказал капитан. — Техник-ремонтник. Дешевле обычного.

Приёмщик посмотрел на меня. Сплёвывая в какую-то банку под столом.

— Три техника, — сказал он. — Хватит. Забирай своего.

— Восемь миллионов, — сказал капитан. — Я уже вложился.

— Не мои проблемы. У меня склад полный. Забери.

— Шесть.

— Ноль.

— Ты не понял. Шесть миллионов. Хороший техник.

— У меня три хороших техника. Четвёртый не нужен.

— Пять.

— Ноль.

— Четыре.

— Какого производителя?

— Что?

— Производитель. Какая нейросеть? Какой профиль?

— Пиратская. Техник-ремонтник. Второй уровень.

— Пиратская, — приёмщик сплюнул снова. — У меня три нормальных. Зачем мне пиратская?

— Дешевле.

— Насколько?

— Шесть.

— Два.

— Пять.

— Два.

— Четыре.

— Два. И не торгуйся.

Капитан замолчал. Я стоял между ними. Я понимал, что

моя судьба решается без меня. Это была первая встреча с реальностью Перекрёстка, и я не знал, первая ли. Капитан думал. Я видел, как он думает, по тому, как его лицо становилось неподвижным, как у тех людей, что считают в уме. Он считал. Он считал топливо обратно. Он считал время. Он считал риск.

— Ящик запчастей, — сказал он наконец.

— Какой ящик?

— Стандартный. С консольными платами.

— Два.

— Один. И один малый кристалл.

— Б/у?

— Б/у.

— Один. Один кристалл.

— Два.

— Один.

— Два, или я забираю своего техника обратно.

— Зачем он тебе обратно?

— Не забираю. Два кристалла, и он твой. Навсегда.

Приёмщик посмотрел на меня. Потом на капитана. Потом снова на меня. Я стоял. Я молчал. Я был товаром, который не стоил того, чтобы из-за него ругаться, но который стоил того, чтобы из-за него торговаться. Это была разница. Я не понимал её. Но я её запомнил.

— Покажи руки, — сказал приёмщик.

— Что?

— Руки. Покажи.

Я показал. Левая, правая. Приёмщик посмотрел, не вставая со стула, наклонив голову вбок, как птица.

— Левая, — сказал он. — С задержкой?

— Ноль и три, — сказал капитан.

— Ноль и три. Это много.

— Это рабочая.

— Для чего?

— Для всего, что не требует скорости.

— Для чего не требует?

— Для диагностики. Для ремонта. Для пайки.

— А для пробоя шины?

— Для этого у тебя есть свои техники.

— У меня есть три. Четвёртый не нужен.

— Четвёртый нужен. Четвёртый всегда нужен. Три ломаются. Два болеют. Один уходит. У тебя всегда остаётся один.

— Один не стоит два кристалла.

— Стоит ящик и два кристалла. Сегодня. Завтра он будет дороже.

— А если он сломается?

— Что?

— Сломается. Умрёт. Что тогда?

— Тогда у тебя снова три ремонтника. Как сейчас.

— Это не выгодно.

— Это выгодно, если он проработает хотя бы год. Если он проработает два, ты в плюсе. Если три, ты в большом плюсе.

— Откуда ты знаешь, что он проработает?

— Я не знаю. Никто не знает. Это Перекрёсток. Здесь никто ничего не знает. Здесь торгуются. Здесь платят. Здесь теряют.

— Я не хочу терять.

— Тогда не бери. Я найду другого покупателя.

— У тебя нет другого покупателя.

— У меня всегда есть другой покупатель. На Восточном секторе есть ещё три конторы. На Северном секторе есть Торр. Торр берёт всех.

— Торр платит мало.

— Торр платит достаточно.

Приёмщик смотрел на меня. Потом на капитана. Я стоял. Я молчал. Я был товаром, и товары не говорят на своих торгах. Это я уже понял.

— Два кристалла, — сказал приёмщик. — Б/у. И ящик. И он уходит. Прямо сейчас. Со своим рюкзаком. И молча. Согласен?

— Согласен, — сказал капитан.

— Хорошо. Иди.

Это было мне. Я посмотрел на приёмщика.

— Куда? — спросил я.

— Куда хочешь. Ты не мой.

— А кто за меня платил?

— Никто. Ты ничей. Я просто избавился от хлама. — приёмщик поставил перед капитаном небольшой ящик и сверху

положил два мутных кристалла.

— Совсем ничей?

— Совсем ничей. На Перекрёстке так бывает. Появляешься, и ты ничей. Пока кто-нибудь не возьмёт. Возьмут, станешь чей-то. Не возьмут, останешься ничей. Это не плохо и не хорошо. Это Перекрёсток.

— А если меня никто не возьмёт?

— Тогда ты ничей навсегда. Это тоже бывает.

— И что делают ничейные?

— Живут. Или не живут. Это их дело.

— И давно тут так?

— С тех пор, как я помню. И до меня так было. И после меня будет.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. Это разное. Понимать, это объяснить. Запомнить, это принять. Ты не объясняй. Ты запоминай.

— Ладно.

— Иди.

— Куда именно?

— Направляйся вон к тому проходу, дальше — зона секторов. Отыщешь свой самостоятельно. Или заблудишься — твои проблемы.

— А если ошибусь и зайду не туда?

— Вышвырнут. Либо прикончат сразу. Смотря куда забредёшь. Восток — сектор Вейра, там тихо. Запад принад-

лежит Саррам, с ними посложнее. А вот Север — владения Торра, тебе как раз туда.— Зачем?

— Торр берёт всех. Торр берёт даже ничейных. Если ты им нужен.

— Я им нужен?

— Не знаю. Попробуй.

— А если не нужен?

— Тогда иди к Вейр. Вейр берёт, если ты умеешь чинить корабли.

— А Сарр?

— Сарр не берёт. Сарр не любит, когда к ним приходят без приглашения.

— Понял.

— Опять, не понял. Запомнил.

— Запомнил.

— Иди.

— Можно вопрос?

— Нет.

— Один.

— Один. Быстрый.

— Зачем вы тут сидите? Если не берёте, зачем торгуетесь? И почему ты мне помог?

Приёмщик посмотрел на меня. Долго, в первый раз по-настоящему. Не как на товар. Как на человека, который задал вопрос, на который у него нет ответа.

— Потому что так устроен Перекрёсток, — сказал он на-

конец. — Мы торгуем. Берём. Отдаём. Иногда покупаем. Иногда продаём. Иногда нет. Но торгуем всегда. Это не про тебя. Это про нас. Иногда помогаем.

— Запомнил.

— Иди.

Я посмотрел на капитана. Капитан не смотрел на меня. Капитан разглядывал кристаллы, что ему дали. Меня он уже не считал. Я был списан. Я был ничей.

Я взял рюкзак и вышел.

Капитан не вышел за мной. Капитан остался в конторе. Капитан договаривал. Я не знал о чём. Я не хотел знать. Я шёл через площадку, мимо ящиков, мимо бочек, мимо арканов-грузчиков, к выходу. Я не знал, где выход. Я нашёл его. Я нашёл его по тому, как корпуса расступались, как между ними был просвет, как в этом просвете было грязно-жёлтое небо.

У выхода стоял аркан. Не рабочий, не грузчик. Другой. С другим лицом, с другими руками. Лицо было потёртое, но не такое потёртое, как у приёмщика. Скорее, бывалое. Руки, чистые. Не по-земному чистые, а по-здешнему. Я понял это, потому что у всех, кого я видел до этого, руки были грязные. У этого, нет.

— Новенький? — спросил он.

— Да.

— Ничей?

— Ничей.

— Понял. Я тоже был ничей.

— А сейчас?

— Сейчас, ничей, но с опытом.

— Это как?

— Это так. Ничей, но знаешь, где что. Где что ломается.

Где что чинится. Где кто спит. Где кто работает. Ничей, но не новенький.

— Давно вы тут?

— Двенадцать лет.

— Много.

— Мало. Есть те, кто тут тридцать. Сорок. Один, пятьдесят два. Он ещё помнит, как выглядело небо.

— А как оно выглядело?

— Не знаю. Он не говорит. Он не разговаривает. Он молчит. Двенадцать лет я его знаю. Он молчит двенадцать лет. Может, молчит и дольше. Может, всегда молчал. Я не знаю.

— А вы?

— Я говорю. Много. Это, наверное, оттого, что я новенький. Двенадцать лет, а всё равно новенький.

— Я новенький.

— Ты новенький. Тебе ещё молчать нельзя. Тебе ещё говорить.

— О чём?

— О чём угодно. О себе. О том, что было. О том, что будет. О том, чего не будет. О чём угодно. Главное, говорить.

— Зачем?

— Чтобы слышать свой голос. Чтобы знать, что ты есть. Чтобы не забыть, как звучат твои слова. Здесь, если молчать, забываешь. Не сразу. Постепенно. Сначала забываешь, как звучат слова. Потом, что они значат. Потом, что ты есть. Это, наверное, здесь самое страшное. Не шорох в темноте. Не ржавчина. Не небо без звёзд. А то, что забываешь, как звучишь.

— Понял.

— Приёмщик, это Вейр. У них мода. Они любят «понимать» и «запоминать». Они думают, что это разные вещи. Это не разные. Это одно и то же. Только одно можно сказать, другое нет. Приёмщик говорит «запомнил», потому что ему нельзя сказать «понял». Понял, это слишком много для него. Запомнил, это ровно столько, сколько ему положено.

— А вы?

— Я говорю «понял». И «запомнил». И «не понял». И «не запомнил». И всё, что угодно. Я ничей, но с опытом. Мне можно.

— Спасибо.

— Не за что. Иди.

— Куда?

— Вон туда. К Торр. Они берут всех. Если умеешь чинить, возьмут. Если нет, иди к Вейр. Они возьмут, если умеешь чинить корабли. Сарр не берёт. Сарр может не спросить, кто ты. Понял?

— Понял.

— Иди.

— А вы?

— А я тут постою. Потом пойду.

Я изучал его лицо, но не нашел там ни тени улыбки, ни следа недовольства — лишь застывшее спокойствие. Мы обменялись короткими кивками, неловко завершая встречу, правил которой я не знал. Уходя, я оглянулся: он все еще стоял на том же месте, провожая меня взглядом. Спустя десяток шагов я снова обернулся — фигура оставалась неподвижной. Но когда я достиг выхода и бросил последний взгляд назад, пространство оказалось пустым. Он исчез, словно растворился в воздухе. В голове мелькнула странная мысль: а был ли он вообще? Возможно, я вел диалог с пустотой, с призраком этого Перекрестка. Здесь, кажется, в порядке вещей беседовать с тем, кого не существует, а потом идти дальше, сомневаясь в реальности собственного опыта.

Челнок улетел. Я смотрел ему вслед, пока он не превратился в точку, пока точка не исчезла в грязно-жёлтом небе. Я смотрел без ненависти, без сожаления. Это факт. Челнок улетел. Я остался. Это было. Я не мог это изменить. Я не пытался. Я стоял на ржавом металле, среди обломков, и думал. Ладно. Это, наверное, была не самая полезная мысль. Полезная мысль была, найти укрытие до темноты. Но я всегда был немного не в себе насчёт того, чтобы сперва осмотреться, а потом действовать. Я осмотрелся.

Слева, корпуса, ржавые, высокие, как дома без окон.

Справа, то же, только ниже, между ними узкие проходы. Сзади, небо грязно-жёлтое, с пятном, которое, видимо, солнцем и было. Я поднял голову выше, попытался найти звёзды. Я думал, что днём их не видно, а вечером будут. Только здесь, видимо, не так.

Солнечное пятно ушло за горизонт. Я не заметил когда. Я стоял и смотрел, как пятно гаснет, как грязно-жёлтое становится серым, как серое становится чёрным. Я поднял голову. Я ждал звёзд. Звёзд не было. Только мутная чернота, плотная, как вата, как туман. Я не понимал. Это было странно. Но я не знал, что здесь правильно. Я стоял, смотрел вверх, и не видел ничего. Только муть. Только тьма. Только запах ржавчины, который усилился ночью, будто ржавчина тоже спала днём и проснулась вечером.

Ладно. Укрытие. Я пошёл в сторону обломков. Проходы были узкие, заваленные, тёмные. Я шёл на ощупь, иногда трогая корпуса. Я слышал, что-то движется где-то в глубине обломков. Шорох. Мелкий, частый. Я не знал, мыши это или не мыши. Я не знал, есть ли здесь мыши. Я шёл дальше.

Под ногами хрустело. Не то чтобы стекло, скорее мелкие осколки пластика, проволока. Я нёс рюкзак на одном плече, потом на другом. Плечи у меня не были к этому привычны. На Земле я носил сумку через плечо, через то, что удобнее. Здесь, рюкзак. Я не знал, что буду делать, если плечи сотрутся до крови. Я знал, что будут. Я знал, что решу это, когда случится.

Я проходил мимо корпусов, которые были мне выше меня в три раза, в четыре, в пять. Между ними, иногда, были проходы такие узкие, что я задевал рюкзаком за оба борта. Иногда, расширения, маленькие площади, заваленные хламом. На одной из таких площадей стоял какой-то механизм, не то, чтобы корабль, не то, что робот, не пойми что. С ржавыми манипуляторами, с погнутыми колёсами, с выбитым глазом-камерой. Я остановился, посмотрел. Аналитик в голове подсказал: «Тяжёлый рабочий робот. Модель устаревшая. Производитель неизвестен. Статус: нерабочий». Я кивнул сам себе. Я не знал, что я киваю. Я кивнул, как киваю Димке, когда тот говорит мне, что насос опять не тянет. Димки не было. Димка был на Земле, на трассе М-7, кричал в темноту. А я был здесь, в проходе между корпусами, с рюкзаком за спиной, и кивал роботу. Я был не в себе. Это, наверное, было нормально. Здесь, наверное, все были немного не в себе.

Я нашёл щель между двумя корпусами. Один был большой, разорванный, в форме эллипсоида, с рваными краями, будто его вскрыли изнутри или снаружи, я не мог разобрать. Другой поменьше, приземистый, с торчащей антенной, погнутой, но целой. Щель была узкая, но я протиснулся. Внутри, темнота. И шорох. И запах, пыль, масло, что-то горелое, что-то ещё, наверно пластик. Я сел на пол. Снял рюкзак. Достал флягу. Пил. Вода была тёплая, противная, с тем металлическим привкусом, что бывает в трубах, которые не чи-

стили лет сто. Но вода. Я пил.

Ладно. Я лёг. Рюкзак под голову. Мультиметр в руке, на всякий случай, не потому что мог пригодиться, а потому что в руке он был привычнее, чем без него. Я закрыл глаза. Слушал.

Шорох. Множественный, мелкий, быстрый. Что-то двигалось в глубине корпуса. Много чего-то. Я не знал, что. Я знал только, что, если они, мыши или их аналоги, мне ничего не будет. А если нет, будет. Я не знал. Я замер. Не шевелился. Час. Два.

И вдруг вспомнил. Метро. Утро. Час пик. Я стою в вагоне. Прижат к двери. Рядом женщина с пакетами. Мужчина в костюме читает газету. Старушка сидит у окна. Кондиционер гудит. Я ненавидел это утро. Каждый день. Пять лет. Ненавидел давку. Запах. Гудение. Опоздание. Я мечтал о тишине. О пространстве. О том, чтобы быть одному.

Сейчас я один. В тишине. В пространстве. Между обломками ржавого металла. На чужой планете. И я мечтаю о метро. О давке. О запахе кофе. О гудении кондиционера. О том, чтобы быть не одному. Я не знал, что одиноко. Я думал, одиноко, это когда рядом нет людей. Я ошибался. Одиноко, это когда рядом нет своих. У меня нет своих. У меня есть я. И ржавчина. И шорох в темноте.

Я закрыл глаза. Постарался услышать метро. Не услышал. Услышал только шорох. Шорох приближался. Я открыл глаза. Замер. Ждал. Свет снаружи, из грязно-жёлтого, стал се-

рым. Серый, медленный, как будто небо не хотело просыпаться. Шорох отступил. Я выдохнул. Метро не вернулось. Никогда не вернётся. Я это понял в тот момент. И перестал мечтать. Это было правильно. Мечты, это роскошь. Я не мог себе позволить.

Я не спал. Но я выжил. Я вылез из щели. Утро было серое, мрачное, как будто небо не хотело просыпаться. Я стоял на ржавом металле, среди обломков, и смотрел на всё это, и думал. Ладно. Посмотрим, что тут у вас сломалось.

Разум подсказывал: беги. Инстинкт самосохранения вопил, что нужно немедленно убираться отсюда, хотя я понятия не имел, куда именно. Но бегство — это привилегия, которой у меня не было. У меня не осталось ни обратного билета, ни связи, ни надежды. Только скудный набор: мультиметр, паяльник, моток проводов да фляга с остывшей водой.

И еще — привычка. Моя единственная, въевшаяся в подкорку привычка всё чинить. Я окинул взглядом искореженные корпуса, торчащую из приземистого блока антенну, рваные края эллипсоида. Где-то здесь скрывалась поломка. А если есть поломка, значит, есть и решение. Если есть решение — есть шанс запустить механизм. А если механизм оживет — я выживу.

Я не знал, как именно это сделать, но это никогда меня не останавливало. Так я начинал на Земле, так выживал на корабле, так начинаю здесь.

Глава 5

Первый ремонт

Утро было серое, хмурое, как будто небо не хотело просыпаться. Я вылез из щели. Сначала руки, потом голова, потом всё остальное. Плечи болели. Спина болела. Шея не поворачивалась. Я размялся, как умел. Не очень хорошо. Слева, в голове, что-то шевельнулось. Аналитик просыпался вместе со мной.

— Доброе утро, — сказал Аналитик в моей голове. — Сон, четыре часа. Физическое состояние, удовлетворительное. Уровень жидкости, низкий. Уровень питания, низкий. Рекомендация, вода и еда в течение двух часов.

— Доброе, — сказал я вслух, потому что больше некому было это говорить. — Вода. Сначала вода. Потом еда. Потом укрытие. Потом всё остальное.

— Принято.

Слова прозвучали глухо, потому в горле пересохло. Я не помнил, когда в последний раз говорил вслух. До того, как уснуть в укрытии, может быть, несколько слов. До того, как меня высадили на Перекрёсток, может быть, час. До того, как я был на Земле, может быть, день. Я не помнил. Я знал одно: горло было сухое. И слово «вода» было первым, что я сказал в это утро. Это, наверное, было правильно. Это, наверное, было самое нужное слово.

Я пошёл в сторону торговых ящиков. Их оставили на площадке, когда челнок улетел. Я не знал, остались ли в них вещи. Я надеялся, что остались. Я шёл между корпусами, по тому же пути, каким шёл вчера, но в обратную сторону. Солнечное пятно было ещё низко, едва над горизонтом, и я понимал, что это восток. Если пятно встаёт на востоке, значит, где оно сейчас, там восток. Если встаёт на западе, значит, где оно вечером, там запад. Я не знал, как здесь солнце. Я не знал, встаёт ли оно на востоке. Я не знал ничего.

— Аналитик, — спросил я, — солнце здесь встаёт на востоке?

— Данных недостаточно. Наблюдение продолжается. Рекомендую ориентироваться по солнечному пятну без привязки к сторонам света.

— Понял.

— Не понял. Запомнил.

— Тоже хорошо.

У ящиков я нашёл пустую бутыль, полуистлевший брезент, кусок провода. Ничего полезного. Бутыль была пустая, в ней что-то плескалось на дне, но я не стал пробовать. Брезент был гнилой, ломался в руках. Провод был кусок медной жилы в изоляции, сантиметров тридцать. Я взял. Провод всегда нужен.

— Ничего, — сказал я. — Здесь нет. Значит, где-то есть.

— Уточни, — сказал Аналитик.

— Что уточни?

— Что именно «есть».

— Вода. Еда. Укрытие.

— Принято.

Я говорил сам с собой. Это, наверное, было не нормально, но я не знал, что здесь нормальное. На Земле я бы не говорил с собой вслух. Здесь я был один, и слова звучали громче, чем если бы я думал их про себя. Я говорил, чтобы слышать, что я есть. Я говорил, потому что молчать было страшно. Я не говорил, что мне страшно. Я говорил: «вода», «еда», «укрытие», и слова были тверже, чем страх.

Вода нашлась метрах в пятидесяти от щели. Лужа в вогнутом корпусе, в том, что когда-то было обшивкой какого-то корабля. Вода была тёплая, металлическая на вкус. Я оторвал кусок от полуистлевшего брезента, что нашёл у ящиков. Намочил. Положил над пустой бутылью. Черпал ладонью, лил через тряпку в бутыль. Тряпка фильтровала, плохо, но фильтровала. Вода в бутылки стала чуть светлее. Я пил. Противно. Но вода. Я пил.

— Вода, — сказал я. — Есть. Теперь еда. Или нет. Сегодня нет. Сегодня нужно другое. Укрытие.

— Уточни, — сказал Аналитик. — Без еды ты проживёшь день, два, может быть, три. После трёх дней ты станешь слабым. После пяти не сможешь работать. После семи умрёшь. Рекомендация, найти еду в течение суток.

— Я знаю.

— Тогда почему ты идёшь искать укрытие?

— Потому что без укрытия я умру раньше. Сегодня ночью.

— Принято.

Еды не было. Я не нашёл нигде. Я не знал, где искать. Я не знал, что здесь едят. Я не знал, как торговать. У меня не было ничего, кроме рюкзака с мультиметром, паяльником, мотком провода, и флягой с тёплой водой.

Я пошёл искать укрытие. Восточный сектор был лабиринт. Корпуса, переходы, завалы. Я шёл, держа солнечное пятно слева, потому что мне нужно было на север. Не знаю, почему на север. Может быть, потому что приёмщик сказал, что север, это Торр. Может быть, потому что так. Я шёл, и смотрел, и слушал.

Я нашёл три укрытия. Первое, в корпусе, в котором кто-то уже жил. Кострище, свежее, ещё тёплая зола. Я не стал заходить. Кто бы ни был, он мог вернуться.

— Кострище, — сказал я Аналитику.

— Вижу. Свежее. Три, четыре часа. Возвращение вероятно.

— Ухожу.

Второе, в другом корпусе. Шорох в темноте. Те, кто шуршал вчера. Или другие. Я не стал заходить.

— Шорох, — сказал я.

— Мелкие существа. Не идентифицированы. Биологический тип неизвестен. Опасность, средняя. Рекомендация, не входить.

— Ухожу.

Третье, в третьем корпусе. Труп. Аркан, давно мёртвый, иссохший, в комбинезоне Вейр. Лежал у стены, как спал. Я не стал заходить. Не из брезгливости, из осторожности. Тот, кто его убил, мог быть рядом. Или тот, кто его не похоронил, мог не хотеть, чтобы его нашли.

— Труп, — сказал я.

— Аркан. Мужчина. Возраст, сорок, пятьдесят стандартных лет. Причина смерти, не установлена. Время смерти, от двух до четырёх стандартных месяцев. Рекомендация, не входить.

— Ухожу.

— Принято.

Я шёл дальше. Между двумя большими корпусами, на отшибе, я нашёл маленький модуль. Типа спасательной капсулы или технического отсека. Маленький, приземистый, с ободранной обшивкой и погнутой антенной на крыше. Дверь была заварена снаружи, давно, криво. Кто-то когда-то решил, что внутрь не надо. Я обошёл модуль. С другой стороны, в корпусе, была пробоина. Не от взрыва, от удара, что-то тяжёлое упало на бок, проломило металл. Я протиснулся через пробоину. Внутри, пыль, паутина, разбитый генератор в углу.

Я осмотрелся. Здесь можно было жить. Потолок низкий, я почти доставал головой. Стены металлические, ржавые, но целые. Пол, ржавый, но ровный.

— Аналитик, — спросил я, — что это?

— Корпус типа «Вейр-7». Спасательная капсула. Эсми-нец. Производство, верфи Конкорда.

— Хорошо, — сказал я. — Это твой. Это мой. Это наш.

— Не понимаю.

— Это мой дом. С сегодняшнего дня.

— Принято. Дом, условное обозначение. Геопозиция, записана.

Я не знал, к кому я обращаюсь. К Аналитiku. К капсуле. К себе. Может быть, ко всем. Может быть, ни к кому. Но слова были.

Слева, генератор. Малый, бытовой, с табличкой «Крона-7». Я осмотрел его. Повреждения внутренние. Снаружи цел. Внутри, кто знает.

— Генератор, — сказал я. — Малый. Бытовой. «Крона-7».

— Верно. Малый, бытовой, «Крона-7». Производство, завод «Крона». Срок службы, пятнадцать стандартных лет. Текущий возраст, не установлен. Внешнее состояние, удовлетворительное. Внутреннее состояние, не установлено. Рекомендация, диагностика.

— Сейчас.

Справа, панель управления. Экран разбит. Клавиши, несколько сломано. Под панелью, ящик. Я открыл. Внутри, знакомые отвёртки, незнакомый сканер, моток провода, паяльная станция без питания.

— Инструменты, — сказал я. — Не мои. Но чужие, которые теперь могут быть моими, если я их почию.

— Логика нестандартная. Принято.

В углу, койка. Сложенная. Я развернул. Матрас истлел, но каркас цел. Можно спать. Над дверью, лампочка.

— Лампочка, — сказал я. — Если есть генератор, должна быть лампочка. Если есть лампочка, должен быть свет. Если есть свет, это дом.

— Логика условная. Если генератор работает. Если проводка цела. Если лампочка не перегорела. Три условия.

— Три условия. Починю.

— Вероятность успеха, не установлена.

— Я знаю. Починю.

Я сел на пол перед генератором. Достал мультиметр. Привычное движение, рука к поясной сумке, которой не было, потом к рюкзаку, в который я переложил. Я не сразу привык. Может быть, через месяц привыкну. Может быть, никогда. Я достал мультиметр, и начал.

— Ладно, — сказал я. — Что у нас.

Я открыл корпус генератора. Внутри, привычная картина. Плата, конденсаторы, реле, трансформатор. Всё старое, пыльное, но знакомое. Не чужое. Такое же, как на Земле. Не такое же, но похожее. Техника, она везде техника. Платы везде платы. Конденсаторы везде конденсаторы. Реле везде реле. Это, наверное, и есть главное, что я понял на Перекрёстке. Не то, что здесь живут аркане, каэры, вархи. Не то,

что здесь небо без звёзд. Не то, что здесь мусор. А то, что техника везде техника. И если ты умеешь чинить, ты умеешь чинить везде. Это, наверное, и есть мой единственный актив. Не упрямство. Не привычка. А то, что техника везде техника. На первое время хватит.

Я проверил питание на входе. Было. Значит, генератор подключён к чему-то внешнему, может быть, к корабельному реактору эсминца, от которого отделился модуль. Не знаю. Может быть, к батарее, что ещё не села. Может быть, к чему-то ещё, чему я не знаю названия.

— Питание на входе, — сказал я. — Есть.

— Подтверждаю. Питание на входе, есть. Источник, внешний. Тип, не установлен.

— Хорошо. Питание на выходе?

— Не установлено. Рекомендую проверку.

Я проверил выход. Нет. Значит, проблема внутри.

— Питание на выходе нет, — сказал я. — Значит, внутри.

— Подтверждаю. Диагностика. Гипотеза один: сгорел стабилизатор.

— Стабилизатор. Ладно. Проверим.

Я проверил мультиметром. Стабилизатор был целый. Это была плохая гипотеза. Я её отбросил.

— Не стабилизатор, — сказал я. — Хорошо.

— Гипотеза два: пробит конденсатор.

Я проверил. Да, конденсатор был пробит. Внутренний пробой, без внешних признаков. Так бывает.

— Конденсатор, — сказал я. — Понял. Но это не всё. Если бы только конденсатор, питание шло бы. Не шло. Значит, ещё что-то.

— Согласовано. Гипотеза три: обрыв в обмотке трансформатора.

— Обмотка. Ладно.

Я проверил. Обмотка была цела.

— Не обмотка, — сказал я. — Хорошо. Что ещё?

— Гипотезы закончились. Аналитик молчит.

— Это плохо.

— Согласовано.

Я сидел, смотрел на плату. Секунду. Минуту. Две. Я не знал, что искать. Я не знал, где. Я знал одно: если я не найду, лампочка не загорится. Если лампочка не загорится, я не знаю, что буду делать. Я не умру без лампочки. Но я не знаю, что буду делать без лампочки. Это, наверное, не было логично. Но это было так.

Я искал визуально. Смотрел на каждый элемент. Плата. Конденсаторы. Реле. Трансформатор. Плата. Конденсаторы. Реле. Я остановился. Одно из реле. Маленькое, чёрное, с надписью, что я не мог разобрать. Я подал питание. Реле должно было щёлкнуть. Не щёлкнуло.

— Реле, — сказал я. — Вот ты.

— Подтверждаю. Реле не активировано при подаче питания. Вероятная причина, механическое заклинивание контакта.

— Я вижу. Чистим.

Я разобрал реле. Внутри, контакт. Заклинило. Пыль, ржавчина, что-то ещё. Я почистил. Отвёрткой, тряпкой, чем мог. Собрал. Подал питание. Реле щёлкнуло. Маленький, тихий, но щелчок. Я выдохнул.

— Хорошо, — сказал я. — Ты работаешь. Теперь конденсатор.

— Согласовано. Замена конденсатора. Источник запасной детали, не установлен.

— Буду искать.

Конденсатор был пробит. Заменить было нечем. Я осмотрел модуль. В ящике под панелью, под слоем пыли и паутины, я нашёл старую плату. Не от генератора. От чего-то другого. Я не знал от чего. Но плата есть плата. На плате, конденсаторы. Я разобрал плату. Достал один конденсатор. Проверил мультиметром. Рабочий.

— Хорошо, — сказал я. — Ты подойдёшь.

— Проверка совместимости. Совместим. Рекомендация, перепайка.

— Перепаиваю.

Я перепаивал. Первая попытка, не получилась. Ножки не входили в гнезда, гнулись, я гнул их обратно, они ломались. Я достал другой конденсатор с той же платы. Вторая попытка. Лучше, но тоже не получалось. Греется паяльник, плавит олово, олово капает мимо, на палец, я вздрагиваю, ругаюсь. Третья попытка. Ножки вошли. Олово легло. Не краси-

во, криво, но легло.

— Контакт? — спросил я.

— Проверка. Контакт установлен. Сопротивление, в пределах нормы.

Я подождал. Остудил. Проверил мультиметром. Контакт был.

— Ладно, — сказал я. — Теперь.

Я подключил генератор. Жал кнопку. Щелчок. Гудение. Тихое, ровное, как у трансформатора в подвале электростанции. Лампочка мигнула. Мигнула. Загорелась.

Я стоял. Смотрел. Не верил.

— Загорелась, — сказал я.

— Подтверждаю. Лампочка активирована. Свет, тусклый, желтоватый. Режим, мигающий. Период, пять секунд. Работает.

— Я вижу.

Она горела тускло, желтовато, мигала каждые пять секунд. Но горела. Я стоял и смотрел, и не верил, и верил. Это, наверное, было смешно. Человек с пиратской нейросетью и сломанной левой рукой стоит в ржавой капсуле на свалке галактики и смотрит на лампочку. Я не помнил, когда в последний раз так смотрел на что-то. Может быть, в детстве, когда впервые починил приёмник. Может быть, никогда.

Я сел на пол. Спиной к стене. Смотрел на лампочку. Минуту. Десять. Я думал о том, что эта лампочка, первая вещь на этой планете, которая работает благодаря мне. Не благо-

даря кому-то. Благодаря мне. Не Димка. Не капитан Вейр Тасса. Не приёмщик. Не бывалый аркан с двенадцатью годами. Я. Я зажёл эту лампочку. Я. Это, наверное, было немного. Это, наверное, было всё.

— Ладно, — сказал я. — Это мой дом. Модуль мой. Лампочка моя. Свет мой. Здесь я живу. Здесь я работаю. Здесь я, может быть, умру. Но не сегодня. Сегодня я зажёл лампочку.

— Записано.

Я встал. Осмотрел модуль внимательнее. В углу, под койкой, что-то блестело. Я не заметил раньше. Я достал.

Стержень. Маленький, металлический, длиной с указательный палец. С гравировкой. Четыре концентрических круга с точкой в центре. Я не знал, что это. Я не знал, зачем. Стержень был тёплый, как будто кто-то держал его перед тем, как положить под койку. Или как будто он сам по себе был тёплый. Я не знал. Я покрутил его в пальцах. Гравировка была глубокой, чёткой, не ржавой. Кто-то сделал её давно, аккуратно, с тем мастерством, которое я не мог разобрать. Я не знал, что это.

— Аналитик, — спросил я, — что это?

— Анализ. Металлический стержень. Длина, восемь сантиметров. Материал, сплав, не идентифицирован. Гравировка, символ, четыре концентрических круга с точкой в центре. Совпадений в базе, не найдено. Назначение, не установлено.

— Хорошо. Потом разберусь.

Я сунул его в карман.

Я включил панель управления. Экран был разбит, но подсветка работала. На экране мерцал символ. Тот же. Четыре круга с точкой. Я не понял. Но запомнил.

— Аналитик, — сказал я, — символ на экране и символ на стержне.

— Подтверждаю. Совпадение, полное. Вероятность случайности, низкая. Рекомендация, записать и запомнить.

— Записал. Запомнил.

— Принято.

Я не знал, странно ли. Я не знал, что здесь странно. Я знал одно: символ повторялся. Стержень и экран. Может быть, ничего. Может быть, что-то. Я запомнил. Запоминать, это, оказывается, всё, что мне осталось.

Снаружи шаги. Я погасил свет. Сел в темноте. Шаги прошли мимо. Медленные, тяжёлые, не торопливые. Может быть, патруль. Может быть, кто-то искал. Может быть, кто-то шёл. Я не знал. Я сидел. Я молчал. Я ждал. Шаги ушли. Я выдохнул.

— Прошли, — сказал я.

— Подтверждаю. Субъект, не идентифицирован. Прошёл мимо. Опасность, миновала.

Я включил свет снова. Посмотрел на лампочку. На экран. На стержень в кармане.

— Ладно, — сказал я. — Это начало.

Я не знал, что это начало пути к Ядру. Я не знал, что стер-

жень в кармане, ключ, который через много месяцев откроет вход в подземный мир. Я не знал, что лампочка, которую я зажёл, первый свет в этой капсуле за тысячу лет. Я не знал почти ничего. Но я знал одно: я починил генератор. И я жив. На первое время, хватит.

Я опустился на узкое ложе. Конструкция издала жалобный скрип, но выдержала. Устроившись горизонтально, я ощутил спиной прохладу ровной стальной поверхности. Там, где только что находилось мое тело, металл еще хранил остатки тепла, тогда как остальная часть каркаса оставалась ледяной. Возникло отчетливое ощущение, что здешний сплав способен впитывать абсолютно всё: человеческое тепло, стужу, чужой вес и бег времени. Эта койка застала гибель эсминца «Вейр-7», помнила момент отстыковки от материнского судна, разрушительный удар, пробивший корпус, и долгие десятилетия забвения, следовавшие за крушением. Растянувшись на этом холодном панцире, я поймал себя на мысли, что и сам превратился в элемент его бесконечной памяти. Всего лишь чужеродный, случайный, крошечный фрагмент. Но все же фрагмент. Опустив веки, я продолжал видеть пульсацию тусклого лампового света. Блеклый, желтоватый отблеск, который теперь принадлежал мне. Я сам зажег его. Я. Наверное, это капля в море. Но в то же время — абсолютно всё, что у меня есть.

В голове крутились мысли о Земле — не о планете как таковой, а о доме. Вспоминались подмосковные пейзажи: гу-

стой туман, стелющийся над гладью водохранилища, терпкий аромат кофе из старой жестяной кружки. Перед глазами вставали Димка, хлопочущий у мангала, и Лёха, чей мерный храп доносился из палатки. Я думал о близких — о Светлане, Марине, о маме. Вспомнилась даже та злосчастная стиральная машина в Чертаново, до которой так и не дошли руки, и насос у Димки, который мне всё-таки удалось оживить. Всё это осталось там, в другом мире, а я застрял здесь, на Перекрёстке. Между нами пролегла бездна, непреодолимая и пугающая. Вернусь ли я когда-нибудь? Существует ли путь назад? Ответов не было. Я знал лишь одно: я существую, я дышу. Я щелкнул выключателем, и в комнате загорелся свет. Для начала этого достаточно.

— Аналитик, — спросил я.

— Да.

— Земля далеко?

— Не установлено. Данных недостаточно. Координаты, не определены. Расстояние, не подлежит вычислению при текущем уровне базы.

— А если бы данные были?

— Не могу ответить на гипотетические вопросы.

— Это не гипотетический. Это практический. Я хочу знать, далеко ли Земля.

— Не установлено. Я не могу.

— Ладно.

— Принято.

— Аналитик.

— Да.

— Ты был на Земле?

— Я был включён на корабле. До этого, данных нет.

— Ты не помнишь Землю?

— Я не помню. Я храню базы. Базы не содержат данных о Земле. Пиратская сборка. Усечённый профиль.

— Жаль.

— Согласовано.

— Спокойной ночи.

— Режим сна, активирован.

— Завтра, — сказал я. — Завтра вода. Завтра еда. Завтра всё остальное. Сегодня лампочка.

— Принято.

Я уснул. Сон пришёл сразу, без перехода, как у меня всегда. Я не знал, что мне снилось. Может быть, ничего. Может быть, что-то, чего я не запомнил. Может быть, метро. Может быть, мать. Может быть, зелёный свет в лесу. Я не знал. Я спал. Лампочка мигала. Капсула стояла. Снаружи было тихо. Где-то в глубине обломков что-то шуршало, как всегда, но теперь это шуршание было за стеной, за ржавым металлом, и я был внутри, и шуршание было снаружи, и между нами была стена. Это было больше, чем я имел вчера. Вчера у меня была щель, и шуршание было в той же щели. Сегодня у меня была капсула, и шуршание было снаружи. Завтра, может быть, у меня будет больше. Я не знал, что именно. Но

больше. Так я начинал всегда. С малого. Так я начинал на Земле. Так я начинал на корабле. Так я начинал здесь.

Пробуждение принесло неожиданность: лампочка перестала раздражающе мерцать и теперь заливала комнату ровным, спокойным светом. Что стало причиной — стабилизация генератора, притирка контактов или какая-то иная техническая магия — оставалось загадкой. Впрочем, разбираться не хотелось. Я просто ощущал странную признательность, хотя и не понимал, кому именно адресовать это чувство: механизму, случаю или пустоте. Поднявшись, я размял затекшие мышцы. Жесткий матрас, конечно, не подарок, но все же лучше, чем спать на бетонном полу. Плечи отозвались глухой болью, а левая рука, как обычно, слушалась с микроскопической задержкой в три десятых секунды. Бросив последний взгляд на светящийся прибор, экран и спрятанный в кармане стержень, я выдохнул:

— Что ж, пора начинать.

Глава 6

Три народа

Второй день встретил меня тем же безрадостным пейзажем: свинцовое небо, ни единого луча солнца. Однако обстановка изменилась — теперь я проснулся не в тесной расщелине, а внутри модуля. Лампа под потолком заливала пространство ровным, немигающим светом. Я оставил её включенной на всю ночь, боясь, что если выключу, то уже не найду в себе сил щелкнуть выключателем снова. Дело было не в неисправности техники, а в моем собственном страхе. Этот свет стал первым, что я здесь обрел, и расставаться с ним я был не готов.

Я замер, не отрывая взгляда от яркой точки над головой. Прошла минута, другая. Наконец, я поднялся

— Доброе утро, — сказал Аналитик в моей голове. — Сон, шесть часов. Физическое состояние, удовлетворительное. Уровень жидкости, низкий. Уровень питания, низкий. Рекомендация, вода и еда в течение часа.

— Утро, — сказал я. — Есть что?

— В ящике под панелью, обнаружены сухие пайки арканского производства. Количество, четыре. Срок годности, не установлен. Внешний вид, удовлетворительный. Запах, характерный.

Я открыл ящик. Четыре пайка, как Аналитик сказал.

Плоские, в тёмной плёнке, с надписями, что я не мог разобрать. Я вскрыл один. На вкус, картон с привкусом рыбы. Я не знал, что за рыба. Я не знал, настоящая ли рыба. Я знал одно: это еда. Я съел. Запил водой из фляги. Вода была тёплая, противная, но вода.

— Ладно, — сказал я. — Сегодня в хаб. Нужно обменять кое-что на еду. У меня есть дублирующий мультиметр. Моток провода. Пара отвёрток. Этого хватит на первое время.

— Согласовано. Маршрут, не установлен. Рекомендую предварительную разведку.

— Я помню. Вчера видел площадку. Час пути. На восток, мимо эсминца, через проход между двух фрегатов, по мосту из балки, мимо «гнезда», и вот она.

Я собрал рюкзак. Мультиметр, который я оставляю себе, в поясную сумку, что нашёл вчера в ящике. Дублирующий мультиметр, моток провода, две арканские отвёртки, в рюкзаке. Фляга с водой. Стержень в кармане, всегда при себе. Я вышел из модуля. Серое утро, небо грязное, солнечное пятно едва над горизонтом. Я пошёл.

Дорога заняла час, как я и думал. Я шёл, держа в голове маршрут, и запоминал. Корпус эсминца, ржавый, разорванный, с рваной надписью «Вейр-7» на борту, что я теперь знал, потому что Аналитик подсказал вчера. Проход между двух фрегатов, узкий, с ржавыми трубами под потолком. Мостик из балки, прогнутый, но крепкий, я попробовал ногой, потом перешёл. «Гнездо», где я слышал шорох в первую

ночь, я обошёл по дуге, далеко, чтобы не тревожить тех, кто там жил. И вот, торговая площадка.

Запах изменился. У модуля пахло пылью, маслом, нагаром, тем застарелым запахом, что привыкаешь и перестаёшь замечать. Здесь, у хаба, пахло иначе: потом, маслом, чем-то кислым, чем-то жареным скорее даже палёным. Это был запах людей, много людей, в одном месте. На Земле я бы не обратил внимания. Здесь, где я провёл двое суток в одиночестве, запах людей был неожиданным. Я вдохнул. Глубже. Запах усилился.

Торговый хаб «Перекрёсток-Восток» был большая площадка, огороженная ржавыми щитами, что когда-то были обшивкой кораблей. Внутри, ряды прилавков, навесы из брезента, несколько капитанских будок, что были когда-то рубками шлюпок, а теперь стали лавками. Я вошёл и сразу почувствовал на себе взгляды. Не злые, не добрые. Оценивающие. Как у Димки, когда он смотрел на насос, который я починил, и думал, сколько он теперь стоит. Только здесь так смотрели на меня.

— Ты новенький, — сказал кто-то сбоку. — Это видно.

Я обернулся. Аркан, средних лет, худой, с потёртым лицом торговца. Глаза, быстрые, цепкие. Одежда, тёмный комбинезон с нашивками Вейр на плече и на груди. Нашивки были маленькие, серые, с символом, что я не знал, но который повторялся и на плече, и на груди, и, как я заметил позже, на поясе, и на обуви. Принадлежность клану здесь под-

чёркивали многократно, будто боялись, что забудешь.

— По чему? — спросил я.

— По глазам. У новеньких глаза ищут знакомое. У старожилов знакомое им уже не нужно.

— А что ищут старожилы?

— Опасность. Её всегда нужно искать. Даже если ты в клане. Особенно если ты в клане.

Я кивнул. Это было полезное знание. Аркан, был из тех торговцев, что не продают, а объясняют. Это, наверное, было его способом продавать. Чем больше ты знаешь, тем больше ты ему должен. Чем больше должен, тем скорее вернёшься. Я этого не понимал тогда, но запомнил. Вейр Тасса был младший, один из многих Тасса в клане Вейр. Не капитан, не родственник капитана. Просто, Тасса. Он сказал, что слышал обо мне, что на Перекрёстке слухи ходят быстро, что я третий человек за сто лет. Я не понял, что это значит, он объяснил. До меня на Перекрёстке видели четверых людей. Двое погибли. Один стал контрабандистом. Один интегрировался в Конкорд Вейара и уехал. Я, пятый. Третий, если считать от последнего мёртвого. Я кивнул. Вейр Тасса, видимо, любил счёт. Может быть, потому что торговцы любят точность. Может быть, потому что здесь, где всё было мусором, единственной твёрдой валютой были числа.

— Десять пайков, фляга, и поговорим, — сказал я.

Вейр Тасса рассмеялся.

— Ты быстро учишься.

— Я не учусь. Я торгуюсь. Это разные вещи.

— Нет, — сказал он. — Одинаковые. Учиться, это торговать информацией. Торговать, это учиться ценности. На Перекрёстке, по крайней мере.

Я не понял. Но запомнил. Запоминать, это, оказывается, всё, что мне осталось.

Я достал из рюкзака дублирующий мультиметр, моток провода, две отвёртки. Положил на прилавок. Вейр Тасса посмотрел. Потрогал отвёртки. Повертел мультиметр в руках. Не мой, арканский, что я нашёл в ящике модуля. Похоже, рабочий. Он согласился. Десять пайков, фляга, десять минут разговора. Я сел напротив, и он начал говорить.

— Перекрёсток, территория кланов, — сказал он. — Девять кланов. Три расы. По три клана на расу. Арканы, Вейр, Сарр, Эйлан. Каэры, Торр, Марак, Дорн. Вархи, Сиар, Нерр, Орт. Вейр, торговля. Сарр, оружие. Эйлан, импланты. Торр, охрана. Марак, ресурсы. Дорн, древности. Сиар, информация. Нерр, разведка. Орт, архивы. Каждый клан что-то делает. Каждый клан что-то имеет. Без клана, ты никто. С кланом, ты кто-то. Понял?

— Не понял. Запомнил.

— Правильно. Теперь дальше. Без клана опасно. Тебя не тронут в хабе, потому что хаб, нейтральная зона. Но за стеной, тебя заберёт кто-то, или убьют за углом, или сдохнешь с голоду. Ты новенький. Тебя пока не трогают. Но через неделю начнут. Реши, к кому пойдёшь. Или реши, что будешь

один. Один, это путь в никуда.

— А без клана можно?

— Можно. Но недолго. Я уже сказал, что будет. Это чтобы ты запомнил. На Перекрёстке важное повторяют дважды. Один раз, чтобы услышал. Второй, чтобы запомнил. Ты услышал. Теперь запомни.

— Запомнил.

— Хорошо. Время вышло. Иди.

Я поблагодарил. Взял пайки и флягу, положил в рюкзак. Вейр Тасса кивнул, отвернулся к другому покупателю. Сделка была сделана. Я пошёл по рядам, и думал о том, что узнал. Девять кланов, три расы, ничего не решить за один разговор. Но я не решал. Я запоминал. На Перекрёстке, кажется, запоминать было первым делом. А решать, вторым. Третьим, может быть, чинить.

У одного из прилавков я увидел каэра. Большой, в тёмной броне, с парализующим пистолетом на поясе. Ростом два с лишним метра, широкий, как шкаф. Кожа тёмная, бронзовая, с зеленоватым отливом. Лицо, не человеческое, но и не чужое. Скорее, основательное. Броня на нём была потёртая, не новая, но ухоженная, с царапинами, что когда-то были боевыми, а теперь стали памятью. Каэр поймал мой взгляд и подошёл.

— Ты новенький, — сказал он. Голос был низкий, как у батюшки в церкви.

Я подтвердил. Он сказал, что я человек. Я подтвердил

снова. Короткие вопросы, короткие ответы, как будто он сверял меня со списком, что держал в голове. Каэр был из тех, кто не тратит слов на праздность, и я это сразу понял.

— Не видел людей. Только слышал. Ты третий за сто лет — сказал он.

— Я знаю. Вейр Тасса говорил.

— Вейр Тасса знает всё. Это его работа.

— А ваша?

— Охрана. Я из Торр. Младший сын главы Торр. Не Раг, другой. Раг, мой старший брат. Он, не я. Я, не он. Разница.

Я кивнул. Разница, на Перекрёстке, видимо, была важна. Кто ты, чей ты. Это была не просто принадлежность, это была иерархия, и каждый, кто хотел здесь жить, должен был знать своё место. Моё место, как я понял, было «никакое». Ничей. Это, наверное, было лучше, чем чужое. Чужое могли отнять. Никакое, нет.

— Без клана? — спросил каэр.

— Без клана.

— Иди к Вейру. Они возьмут. Ты техник, им нужны техники. Не иди к Сарру, они тебя заставят делать оружие, и ты сохнешь на первой же проверке. Не иди к Эйлан, они тебя имплантируют, и ты перестанешь быть собой. Иди к Вейру.

— Почему не к Торр?

— Торр не берёт чужаков. Торр, кровь. Вейр, деньги. Сарр, оружие. Эйлан, код. Марак, мусор. Дорн, древности. Сиар, слухи. Нерр, поиск. Орт, память. Каждый клан, что-

то. Ты техник. Технику, к Вейру. Или к Эйлан. Но Эйлан, опасно. Иди к Вейру.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. И не благодари. Это не доброта. Это расчёт. Если тебя заберёт Сарр, будет больше оружия. Если Эйлан, больше имплантов. Мне не нужно ни того, ни другого. Иди к Вейру.

Я кивнул. Каэр ушёл. Я стоял и думал, что каждый здесь прагматик. Это не плохо, это предсказуемо. Предсказуемость, на Перекрёстке, наверное, дороже дружбы. Дружба здесь роскошь. Расчёт, норма. Я понял это. Я решил, что буду тоже прагматиком. На первое время хватит.

Я пошёл дальше по рядам. Чувствовал, кто-то смотрит. Обернулся. У стены стоял варх. Худой, бледный, с сероватой кожей. Глаза, большие, немигающие, как у совы. Стоял неподвижно, как будто его забыли здесь, и он стоял с тех пор, как поставили. Я подошёл. Варх молчал.

— Ты кто? — спросил я.

— Я наблюдаю, — ответил варх. Голос был тихий, ровный, без интонации.

— За чем?

— За новенькими.

— Почему?

— Иногда новенькие интересны. Иногда нет. Ты пока не знаю.

— А когда узнаешь?

— Может быть, через неделю. Может быть, через месяц. Может быть, никогда. Я не тороплюсь.

Я не знал, что ответить. Варх стоял, и я стоял, и между нами была та неловкая тишина, что бывает, когда один ждёт, а другой не знает, чего ждут. Я подождал. Варх не добавил. Я спросил, зачем ему. Он ответил, что это его работа, что он из Нерр, что Нерр, разведка и поиск, что он наблюдает. Я спросил, за всеми ли новенькими. Он ответил, что за интересными. Я, может быть, интересный, может быть, нет. Я спросил, что во мне интересного. Он ответил, что я человек, что людей мало, что я техник, что техников много, что я ничей, что ничейных мало. Что я зажёл лампочку в модуле, где её не зажигали сто лет. Это, может быть, интересно. А может быть, нет. Он не знал.

— Откуда ты знаешь про лампочку?

Варх не ответил. Он отвернулся и ушёл. Тихо, неслышно, как будто его и не было. Я не успел спросить имени. Я не знал, было ли у него имя. Я запомнил: варх, раса наблюдателей. Безопасны, но не дружелюбны. Их задача, зная, не действовать. Я не знал, почему он наблюдает за новенькими. Я не знал, кому он докладывает. Я запомнил, что он знает про лампочку. Это было странно. Это было неправильно. Но я не знал, что здесь правильно.

Я вышел из хаба. Серое утро стало серым днём. Я шёл по дороге к модулю, и думал о том, что узнал. Девять кланов. Три расы. Без клана опасно. Через неделю начнут. Реши, к

кому пойдёшь. Я не решил. Я не знал, к кому. Я знал одно, мне нужно подумать. Думать я любил меньше, чем чинить, но иногда чинить не получалось. Тогда приходилось думать.

Дорога назад была той же, что дорога туда. Корпуса, проходы, мостик, «гнездо», которое я снова обошёл по дуге. Я шёл, и мне казалось, что за мной идут. Я оборачивался. Никого. Я шёл дальше. Опять казалось. Я оборачивался. Никого. Может быть, тот варх из Нерр. Может быть, кто-то ещё. Может быть, никто, и мне казалось. На Перекрёстке, наверное, всегда казалось, что за тобой идут. Это, видимо, было нормально. Здесь, где ты ничей, ты и мишень, и наблюдаемый, и просто прохожий. Иногда одновременно.

Я не дошёл до модуля. На дороге, между двумя корпусами, меня ждали трое. Молодые арканы, в тёмных комбинезонах, без нашивок. Я не знал, кто они. Я узнал позже. Сарр. Молодёжь. Те, кто проверял новеньких на прочность. Подошли. Окружили. Старший, тот, что выше, кивнул.

— Эй, человек. Покажи, что в рюкзаке.

— Инструменты.

— Дай посмотрю.

— Нет.

— Ты не понял. Я не просил. Я сказал, дай.

— Я понял. И я сказал, нет.

— Ты упрямый.

— Я ремонтник. Ремонтники упрямые.

— Это не ремонт. Это разбой.

— Тогда иди сюда.

Он ударил. Быстро, в челюсть. Я успел чуть-чуть сместиться, удар скользнул, но всё равно, тяжёлый. Я упал. Рюкзак вырвали. Я схватил старшего за ногу, дёрнул. Он упал. Двое других били меня ногами, по рёбрам, по спине, по рукам. Я закрыл голову. Левая рука не успевала. Я чувствовал, как ноги попадают по бокам, по почкам, по рёбрам. Боль была. Я не кричал. Я молчал. Я ждал.

Через минуту, удар. Не по мне. Надо мной. Каэр. Тот самый, из Торр. Он проходил мимо, увидел, вмешался. Сарры разбегались, быстро, как крысы. Каэр не побежал за ними. Каэр стоял надо мной.

— Иди к Вейру, — сказал он. — Сказал же.

— Иду.

— Не иди. Беги.

— Бегу.

— Ты не бегаешь. Ты лежишь.

— Лежу. Потом побегу.

— Ладно. Я доведу.

— Не надо.

— Надо. Если ты сдохнешь здесь, Сарр скажет, что это Торр виноват. Мне это не нужно.

Он поднял меня. Я встал. Шатался. Каэр довёл меня до угла, до прохода между корпусами. Там остановился.

— Дальше сам. Я не могу на твою территорию.

— Какую территорию?

— Твою. Где твой модуль. Я не могу. Иди.

— Спасибо.

— Не благодари. Сказал же. Расчёт.

Он ушёл. Я пошёл к модулю. Дорога, что занимала час, заняла три. Я шёл, и останавливался, и шёл, и снова останавливался. Левая рука не слушалась. Рёбра болели. Голова кружилась. Я шёл. Где-то на полпути я упал. Я не помню, как упал. Я помню, что встал. Потом я не помню. Темнота.

Очнулся я в чужом месте. Не в модуле. Свет, белый, ровный. Потолок, белый. Стены, белые. Я лежал на чём-то мягком, узком. Под головой, подушка. Над головой, штанга с мониторами. Я повернул голову. Боль прошла в бок, как нож. Я застонал.

Клиника была маленькая, четыре стены, потолок, пол, всё белое или серое, как больничная палата на Земле. Только на Земле больничные палаты пахли лекарством, а здесь пахло чем-то, средним между озоном и травой, что я помнил из детства, когда бабушка заваривала сбор от простуды. Я не знал, что за запах. Я знал, что он мне нравился. Это, наверное, было странно. Нравиться запах в чужом месте, где ты лежишь со сломанными рёбрами. Но я был благодарен за любой запах, который не был ржавчиной.

— Не двигайся, — сказал кто-то рядом. Голос женский, низкий, спокойный.

Я повернул голову в другую сторону. Боль. Надо мной стояла женщина. Каёр. Тёмная бронзовая кожа, широкие пле-

чи, лицо, не доброе, не злое. Спокойное. В руках, сканер, что я не знал. Она водила им надо мной, медленно.

— Кто ты? — спросил я.

— Орра. Медик. Вольный.

— Где я?

— В моей клинике. Восточный сектор. Ты потерял сознание на дороге. Я тебя принесла.

— Давно?

— Час. Может, два. Я не считала.

— Что со мной?

— Два сломанных ребра. Ушиб почки. Сотрясение. Множественные ушибы. Левая рука, реагирует с задержкой. Ты уже знал про руку. Ребра, нет.

— Надолго?

— Ребра, две недели. Ушибы, неделю. Сотрясение, три дня. Если будешь лежать.

— Лежать?

— Да. Лежать. Не двигаться. Не вставать. Пить. Есть. Я принесу. Через неделю встанешь. Через две пойдёшь. Через три будешь чинить.

— А ты?

— А я, Орра. Медик. Вольный. Не в клане.

— Почему помогаешь?

— Ты человек. Я вольная. Нам нужно держаться вместе. Или хотя бы, не умирать поодиночке.

Я не знал, что сказать. Я молчал. Это были слова, каких я

не слышал с тех пор, как меня забрал зелёный свет. Не прагматика, не расчёт. Что-то ещё. Может быть, жалость. Может быть, родство. Может быть, просто привычка помогать тем, кто упал. Я не знал. Но я был благодарен. Я не сказал. Я знал, что здесь не благодарят.

— Спасибо, — сказал я.

— Не благодари. Я тебе скажу, когда будет нужно благодарить. А пока, лежи. У тебя сломано два ребра. Если будешь двигаться, будет хуже. Если будешь лежать, будет лучше. Выбирай.

— Лежу.

— Хорошо.

Она ушла. Я лежал. Свет был белый, ровный. Потолок белый. Стены белые. Я лежал и смотрел. Я не знал, где я. Я не знал, как сюда попал. Я не знал, кто Орра. Я знал одно: я был жив. Это, наверное, было достаточно.

Через минуту Орра вернулась. С водой. С пайком. Поставила рядом.

— Пей. Ешь. Потом спи. Не двигайся.

— Орра.

— Что?

— Почему ты вольная?

— Потому что я так и не встретила клан, который оказался бы мне по душе. У Торра слишком жёсткие правила. У Марака — слишком много грязи. У Дорна — слишком много секретов. Ни один из них мне не подходит. Я свободная.

Поиски могут занять много времени. Я не знаю. Но это мой путь.

— А я?

— Ты свободен. Твой выбор еще впереди. Может, повезёт найти своё пристанище, может, нет. А вдруг удастся основать что-то своё? Не берусь судить. Я наблюдаю за скитальцами. У некоторых получается прийти к цели, но далеко не у всех.

— Ты тоже наблюдаешь?

— Я, нет. Я, медик. Я лечу. Но я тоже смотрю. Это, наверное, одно и то же. Смотреть, лечить, чинить. Все мы, ремонтники. Только чиним разное.

Я молчал. Потом:

— Орра.

— Что?

— Спасибо.

— Я говорила, не благодари.

— Я слышал. Но спасибо.

Она не ответила. Она отвернулась, к сканеру, к монитору. Я видел её спину, широкую, в тёмной ткани комбинезона. Я лежал, и думал, что на Перекрёстке, наверное, можно жить. Если рядом есть Орра. Если рядом есть кто-то. Я не знал, что это начало. Я не знал, что через много месяцев Орра войдёт в клан, что я сделаю. Я не знал почти ничего. Но я знал одно: я был не один. Впервые с тех пор, как меня забрал зелёный свет. Не один. На первое время, хватит.

— Орра, — сказал я.

— Лежи.

— Лежу.

— Спи.

— Сплю.

Я закрыл глаза. Боль в боку была. Голова кружилась. Левая рука отставала, как всегда, на ноль и три. Но я был не один. Я уснул. Сон пришёл сразу, без перехода, как у меня всегда. Я не знал, что мне снилось. Может быть, ничего. Может быть, метро. Может быть, мать. Может быть, лампочка, что я зажёг. Я не знал. Я спал. Орра была рядом. Свет горел. Снаружи было тихо.

Глава 7

Правила мусора

Спустя две недели я вышел на работу. Договор мы с Вейром Тассой заключили устно, на четырнадцать дней, прямо в хабе — у того же прилавка, где впервые сошлись в цене. Он сразу назвал условия: двести кредитов в день за простые задачи и четыреста — за сложные. Рабочий день длился десять часов. Я согласился, хотя выбора у меня, по сути, не было. И я не пытался делать вид, будто это не так.

Вейр пояснил, что простым он считает то, что может починить сам, а сложным — то, с чем не хочет возиться. Я спросил, кто определяет разницу. Он ответил, что это его решение. Я только кивнул: всё было логично. На Перекрёстке, похоже, правила устанавливал тот, кто платил. Я же не платил — я работал.

— Не благодари, — сказал он. — Это работа, не подарок. Завтра утром, в хаб. Опоздаешь на минуту, вычту. Опоздаешь на день, вычту день. Опоздаешь на два, считай, что не работал.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. Иди.

Я пришёл на следующий день. И на следующий. И на следующий. Две недели, день за днём, я приходил в хаб, садился за прилавок, что Вейр Тасса отвёл мне в углу, и чинил. При-

носили всё: навигационные блоки, рации, медицинские датчики, малые приводы, системы климат-контроля, даже одну старую кухонную машину, что, видимо, была когда-то у чьего-то дома. Я чинил. Иногда легко. Иногда трудно. Иногда не получалось, и я сидел, смотрел, думал. Иногда получалось, и я сдавал, и получал деньги, и шёл к следующему. Десять часов в день, без перерыва. На обед я съедал сухой паёк, что Вейр Тасса давал бесплатно, и запивал водой из фляги. Вечером шёл к модулю. Орра приходила, перевязывала рёбра. Я ложился. Лампочка горела. Я засыпал. Утром всё сначала.

Я заметил, что руки у меня на Перекрёстке стали другими. Не худее, не толще. Другие. Левая отставала на ноль и три, как всегда, но я научился компенсировать. Правая делала за неё часть движений, которые раньше делала левая. Пальцы привыкали к чужим платам, к чужим разъёмам, к чужим паяльникам. На Земле я работал одним мультиметром, одной отвёрткой, одним паяльником. Здесь у меня было три мультиметра, пять отвёрток, два паяльника, и незнакомый сканер, который я освоил на третий день. Инструменты, как и язык, были средой. Я врос в них. Они выросли в меня. Это, наверное, и было то, что называют «обжился». Не дом. Не друзья. Не клан. Инструменты. Когда инструменты стали продолжением руки, рука стала продолжением инструментов. Я перестал думать, какой отвёрткой крутить. Я знал. Я перестал выбирать, какой паяльник. Я брал тот, что нужен. Это, наверное, и было моё первое настоящее достижение на

Перекрыстке. Не лампочка. Не генератор. Руки.

К вечеру десятого дня я понял, что устал. Не та усталость, что на Земле, когда после восьми часов на ногах хочешь лечь. Другая. Усталость от чужого, от незнакомого, от того, что каждое движение требовало подумать, потому что не было привычного. На Земле я не думал, как взять отвёртку. Здесь я думал первые пять дней. На шестой перестал. На десятый устал от того, что перестал. Это, наверное, было странно. Устать от того, что стало легче. Но я устал. Я хотел лечь в тишине. Я хотел, чтобы не было прилавка, и аркана, и каэра, и варха. Я хотел, чтобы было только я, и лампочка, и тишина. Это, может быть, было эгоистично. Это, может быть, было необходимо. Я не знал. Я шёл домой. На полпути остановился, сел на ржавую балку, лежавшую поперёк дороги, и посидел минуту. Две. Потом встал и пошёл дальше. Это было правильно. Останавливаться. Сидеть. Идти. Это, наверное, и было моё правило Перекрыстка. Не то, что Вейр Тасса рассказывал. Моё.

Вейр Тасса платил каждый вечер. Деньги маленькие, плоские, в тёмной плёнке, как пайки. LP, локальные кредиты-пай, внутренняя валюта Перекрыстка. Один KV, кредит Вейара, стоил двенадцать LP. Это я тоже узнал. Я считал. За две недели, при среднем, я зарабатывал около трёхсот LP в день. Иногда двести, иногда четырёста. К концу у меня скопилось четыре тысячи двести LP, и сто KV, что Вейр Тасса выдал как премию, в первом KV за работу. Я не знал, мно-

го это или мало. Вейр Тасса сказал, что мало. Я сказал, что хватает. Он усмехнулся. Я понял, что здесь так: одни говорят, что мало, другие, что хватает, третьи, что много. И все правы, потому что каждый смотрит от своего.

Каждый ремонт был знание. Не о вещи, что я чинил, а о галактике, из которой эта вещь пришла. Арканские технологии, в них больше электроники, платы, чипы, сенсоры. Каэрсские, в них больше механики, шестерни, валы, приводы. Вархские, их почти не было видно, это была информация, голограммы, кристаллы, что я не знал, как читать. Я починил один вархский сканер, и не понял, что он делает. Аналитик подсказал, но подсказка была странная. Я не доверял. Я проверял. Я научился не доверять Аналитику слепо, особенно на древних платах. Пиратская нейросеть, повреждённая, с ошибками. Иногда она подсказывала правильно. Иногда нет. Я учился различать. Это, наверное, было важнее, чем чинить.

— Аналитик, — спросил я на третий день, — ты подсказал стабилизатор, а была обмотка. Почему?

— База повреждена. Гипотеза вероятная, но неверная. Проверка показала. Рекомендация, проверка.

— Ты не мог сразу сказать?

— Не мог. База не содержит данных.

— А у кого содержит?

— У Аналитика полного профиля. У тебя пиратский.

— Я знаю. А полный профиль, где?

— У производителя.

— А кто производитель?

— Не установлено.

— Ладно.

— Принято.

Так мы и работали. Я чинил, Аналитик подсказывал, иногда правильно, иногда нет, я проверял, иногда соглашался, иногда нет. Это, наверное, и было моё первое настоящее занятие на Перекрёстке. Не выживание. Занятие. Каждый день я приходил, садился, чинил, и каждый день я уходил с деньгами в кармане и знанием в голове. Это было похоже на работу. На Земле. Работа напоминала мою прежнюю земную жизнь, разве что масштабы изменились. Теперь вместо домашних насосов или стиральных машин под моими пальцами оживали тончайшие медицинские сенсоры и космические навигационные модули. Да и зарплату выдавали не в привычных рублях, а в локальных кредитах — LP, причем приносили их вовсе не соседи вроде Димки, а местные обитатели: каэры, аркане, вархи.

Однако сама суть ремесла оставалась неизменной: устройство выходило из строя, я возвращал его к жизни, и оно снова функционировало. Похоже, в этом и заключалось мое истинное призвание, актуальное для любых миров, звездных систем и языков. Сломленный механизм — мои руки — исправный механизм.

Шагая по вечерней улице к своему жилищу, я размышлял

о том, что в этом, пожалуй, и кроется подлинный смысл. Не в погоне за богатством, не в высоком статусе и не в принадлежности к влиятельному клану. Смысл сводится к простому циклу: сломанная вещь и тот, кто сумел ее починить.

Каждый вечер появлялась Орра. Занималась моими сломанными ребрами, оценивала темпы заживления, неизменно одобряя результат. Моя признательность была безмолвной; впрочем, в этих краях благодарить было не принято. Тем не менее, чувство внутри меня жило.

Мы оба оказались одиночками, выброшенными на обочину, но она привыкла к здешним порядкам гораздо раньше. Орра наставляла меня без лишних слов — просто самым фактом своего существования, невозмутимым спокойствием и тем, что неизменно, день за днем, приходила вовремя. Тогда я еще не догадывался, к чему все идет. Не ведал, что спустя долгие месяцы она станет частью клана и что я решусь на определенный шаг. Мой багаж знаний был почти пуст. И все же одна истина не вызывала сомнений: Орра просто была рядом. На тот момент этого оказалось вполне достаточно.

Через неделю Вейр Тасса сел рядом, когда я чинил рацию, и начал рисовать. На куске ржавого металла, что лежал у него на прилавке вместо бумаги, он рисовал углем. Карта. Перекрёсток. Карта была грубая, без координат, без масштаба, но я понял. Он рисовал круг, и делил его на четыре части, как пирог. Север, восток, юг, запад. В центре, точка, что он называл «хаб». Вокруг, маленькие значки, что он называл кла-

нами.

— Смотри, — сказал он. — Это ты. Восточный сектор. Вейр. Здесь мы. Здесь хаб. Здесь твой модуль. Вот тут, на востоке. Сейчас ты тут.

— Вижу.

— Это север. Торр. Каэры. Они держат оборону. У них три ремонтных ангара, одна малая верфь. Сильные. Если тебя заберёт Торр, ты будешь их. Но Торр не берёт чужаков. Торр, кровь.

— Я знаю. Мне говорили.

— Хорошо. Вот запад. Марак. Каэры тоже, но другие. Они добывают ресурсы. Разбирают корабли. Перерабатывают отходы. Без Марак экономика встанет за месяц. Они сильные, но грязные. Я с ними торгую. У нас союз. Вейр и Марак, торговый союз. Это значит, я могу к ним ходить, они ко мне. Без пошлин.

— А юг?

Вейр Тасса посмотрел на меня. Долго. Потом отвернулся к карте. Я понял, что юг — это не то, о чём говорят весело. Юг это то, о чём говорят тихо, или не говорят вообще.

— Юг, это мёртвая зона. Туда не ходят. Никто. Даже Торр, даже Марак. Даже Сарр, которые смелые. Туда ходят только самоубийцы. Или очень опытные. Или те, кто не знает. Ты не знаешь. Не ходи.

— Что там?

— Древние обломки. Крупные хищники. Странные явле-

ния. Что-то светится. Что-то гудит. Никто не понимает.

— Совсем никто?

— Совсем никто. Может быть, Дорн знает. У них подземелья. Но Дорн не говорит.

— А подземелья?

— Подземелья, это ниже. Глубокий слой. Туда никто не ходит. Никто. Слышишь? Никто.

— Слышу. А почему?

— Потому что оттуда не возвращаются. Слышишь? Не возвращаются.

Я слышал. Я запоминал. Юг, мёртвая зона. Подземелья, мёртвая зона. Я не знал, что это моя будущая цель. Я не знал, что под нами, Ядро. Я не знал почти ничего. Я запоминал. Запоминать, это, оказывается, всё, что мне осталось.

— А кто охраняет нейтральность хабов? — спросил я.

— Все кланы. По очереди. Если кто-то нарушит, его клан платит. Если клан отказывается платить, все остальные кланы объединяются против него. Это называется «правило хаба». Это единственный закон на Перекрёстке, который работает всегда.

— А если все нарушат?

— Все не нарушат. Это невыгодно. Хабы, это торговля. Торговля, это еда. Еда, это жизнь. Никто не хочет, чтобы хабы закрылись. Все хотят есть. Даже Сарр. Даже Дорн. Это, может быть, единственное, в чём они согласны.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. И не благодари. Это не лекция. Это работа. Я тебе объясняю, чтобы ты работал лучше. Не умирал на второй неделе. Не делал мне проблем.

— Не буду.

— Будешь. Все новенькие делают проблемы. Вопрос, какие. И когда.

— А вы?

— А я прагматик. Я решаю проблемы, когда они есть. Не раньше. Не позже.

Я кивнул. Это было полезное знание. Прагматик решает проблемы, когда они есть. Не раньше. Не позже. Это, наверное, было главное правило Перекрёстка. Не «правило хаба», а это. Не пытайся предвидеть. Не пытайся предотвратить. Просто решай, когда будет. Это, наверное, было трудно. Это, наверное, было невозможно. Но я запоминал. Запоминать было моим первым занятием на Перекрёстке. Чинить, вторым.

— Самое опасное, — сказал Вейр Тасса, — думать, что ты в безопасности.

Я кивнул. Это было хорошее правило. Я не знал, что у меня будет возможность проверить его так скоро.

— А что второе по опасности?

— Думать, что ты всё понял. — Он сплюнул. — Перекрёсток не понимают. На нём живут. Понимают, на нём умирают.

— Это пессимизм.

— Это прагматизм. Пессимист думает, что всё плохо. Прагматик, что всё может стать хуже. Я прагматик.

— А я?

— А ты, новенький. Через месяц будешь прагматиком. Через два, пессимистом. Через три, или умрёшь, или станешь чем-то третьим. Я не знаю, чем.

Я не знал, чем третьим. Я не знал, что есть что-то третье. Я думал, что есть только прагматизм и пессимизм. Я ошибался. Третье, это упрямство. Я узнал об этом через два месяца, когда понял, что не могу быть ни прагматиком, ни пессимистом. Я мог быть только собой. А собой, это упрямо. Но тогда, в хабе, я этого ещё не знал. Я просто кивал и слушал. Я слушал хорошо. Я кивал плохо. Кивать, это значит соглашаться. Я не соглашался. Я запоминал. Это разные вещи. Вейр Тасса не знал. Он думал, что я соглашаюсь. Может быть, это было к лучшему.

— А кланы? — спросил я. — Кто с кем?

Вейр Тасса снова рисовал. На карте, маленькие круги, и стрелки между ними. Круги были кланы, стрелки союзы. Я смотрел, и думал, что это похоже на карту звёздного неба, что я видел в школе, когда был ребёнком. Только там звёзды были далеко, а здесь кланы были рядом. И союз был не свет, а торговля, или информация, или кровь.

— Вейр и Марак, торговый союз. Сарр и Дорн, военно-технологический. Эйлан и Ксарский Домен, финансовая зависимость. Сиар и Нерр, обмен информацией. Торр, ней-

тралитет. Орт, формальное невмешательство.

— А кто враждует?

— Прямо, никто. Косвенно, все со всеми. Сарр хочет поглотить Эйлан. Эйлан хочет поглотить Сарр. Торр и Марак, делят Север и Запад. Сиар и Нерр, делят информацию. Все вместе, против внешних. Конкорд, Лига, Домен, Орден, все хотят контролировать Перекрёсток. Но не могут, потому что мы, кланы. Клан не государство. Клан, семья. Семейю сложнее захватить.

— А если один клан решит захватить другой?

— Тогда другие кланы вмешаются. Это невыгодно, чтобы один стал сильнее. Все хотят, чтобы все были равны. Или почти равны.

— А если равны не получится?

— Тогда будет война. Но войны на Перекрёстке не было сто двадцать лет. Это, может быть, рекорд.

— Долго.

— Мало. На Земле, я слышал, войны были каждую сотню. Здесь, тоже. Но последние сто двадцать, тихо.

Я кивнул. Я не знал, что было на Земле последние сто двадцать лет. Я знал, что было в моё время. Я не знал, что стало потом. Может быть, тихо. Может быть, нет. Я не узнаю. Я не хотел думать об этом. Я думал о Перекрёстке. О девяти кланах. О трёх расах. О себе, ничейном, в модуле, с лампочкой, что я зажжёт. Я думал, что мне нужно что-то большее. Не модуль. Не прилавок в хабе. Что-то своё. Что-то, что я смо-

гу защитить. Что-то, что будет моим. Эта мысль пришла не сразу. Сначала я просто работал. Потом начал думать. Потом решил. Так у меня всегда. Сначала делаю, потом думаю, потом решаю. Иногда правильно. Иногда нет. Но всегда в этом порядке.

Две недели прошли. Вейр Тасса дал мне расчёт. Четыре тысячи двести LP, и сто KV. Я пересчитал. Всё было. Я сунул деньги в рюкзак, и пошёл к прилавку, чтобы попрощаться. Вейр Тасса считал уже что-то другое, с другим покупателем. Он кивнул мне, коротко, без слов. Я кивнул в ответ. Это было всё. Контракт закончился. Я был свободен. Я был безработный. Я был ничей.

— Вейр Тасса, — сказал я, когда он освободился. — Можно вопрос?

— Можно. Один.

— Где искать корабль?

— Какой корабль?

— Любой. Большой. Мой.

Вейр Тасса посмотрел на меня. Долго, как тогда, когда я спросил про юг. Потом отвернулся к прилавку, почесал подбородок, сплюнул в банку под столом. Я ждал. Он думал. Я не торопил. На Перекрёстке, видимо, не торопили. Все думали столько, сколько им нужно. Иногда минуту. Иногда день. Иногда год. Я подождал минуту.

— На севере, — сказал он наконец. — Между Торр и Марак. Там лежит старый крейсер. Никто его не трогает. Он

вроде как ничей, но и не нейтральный. Если ты его поднимешь, он твой. Если не поднимешь, он ничей.

— Что за крейсер?

— «Грозный». Старый. Лет триста. Никто не помнит, кто его приволок. Но он, целый. Почти.

— Чей он был?

— Не знаю. Может быть, Конкорд. Может быть, Орден. Может быть, никто. Записей нет. Или есть, но у Дорн. Дорн не говорит.

— А почему никто его не трогает?

— Потому что не поднимают. Старый. Ржавый. Большой. Чтобы его поднять, нужна команда. Команды нет. Одному, не поднять.

— А я попробую.

Вейр Тасса усмехнулся.

— Ты упрямый.

— Я ремонтник.

— Это не ремонт. Это безумие.

— Тогда иди сюда, и безумие.

Он засмеялся. Коротко, без веселья, как смеются люди, что смеются не от радости, а от узнавания.

— Ладно, — сказал он. — Иди. Если поднимешь, я первый приду торговать. Если не поднимешь, я первый приду собирать твои кости. По рукам?

— По рукам.

Мы разошлись. Я пошёл к модулю. Дорога, что занима-

ла час, заняла час, не больше, не меньше. Я шёл, и думал. «Грозный». Старый крейсер. Лет триста. Никто не помнит, кто приволок. Я не знал, что найду внутри. Я не знал, что найду символ, что уже был у меня в кармане, и в панели модуля, и что будет в журнале Маэстро, что я ещё не читал. Я не знал почти ничего. Но я знал одно: модуль, это временное. «Грозный», это моё. Если я его подниму. Если не подниму, я ничей. Как и до. Как и всегда.

Я пришёл к модулю. Лампочка горела. Орра сидела на койке, ждала. Она приходила каждый вечер, перевязывала рёбра. Сегодня рёбра были почти целы. Она сказала, что через неделю можно будет не бинтовать.

— Ну? — спросила она.

— Контракт кончился.

— И?

— Я иду на север.

— Зачем?

— Там корабль.

— Какой?

— «Грозный». Старый. Лет триста.

Орра посмотрела на меня. Долго. Потом кивнула.

— Я иду с тобой.

— Зачем?

— Ты упадёшь. Кто-то должен поднять.

— Я не упаду.

— Упадёшь. Все падают. Вопрос, кто поднимет.

— Ты.

— Я. Ладно?

— Ладно.

— Не благодари. Идём завтра. Сегодня отдыхай.

Я кивнул. Орра ушла. Я лёг на койку. Лампочка горела. Стержень в кармане. Символ на панели. Завтра, «Грозный». Я не знал, что это начало пути к Ядру. Я не знал почти ничего. Но я знал одно: модуль был временным. «Грозный», это моё. Если я его подниму. Завтра, посмотрим.

Я лежал и думал о том, что сказал Вейр Тасса. Через месяц прагматик. Через два пессимист. Через три, или умру, или станешь чем-то третьим. Я не знал, через сколько я стану тем, кто ищет корабль на севере. Может быть, через три недели. Может быть, через три дня. Может быть, я уже стал, и не заметил. Так у меня всегда. Я становлюсь, и не замечаю. Потом оглядываюсь, и вижу, что уже не тот. Это, наверное, и было моё третье.

Глава 8

Старый крейсер

Серый утренний свет заливал Перекрёсток. Мы вышли из модуля: Орра задавала темп, я следовал за ней. Мой рюкзак был набит техническим скарбом: паяльником, мультиметром, проводами и арканским фонарём, который я позаимствовал у Вейр Тасса. Но главной моей ценностью оставался странный тёмный стержень с выгравированными концентрическими кругами. Я нашёл его в день прибытия и с тех пор не расставался с этой вещью, ощущая её скрытую силу, даже не понимая её природы. На Перекрёстке вообще мало что понятно, и к этому быстро привыкаешь, как к постоянному запаху гари. Орра несла снаряжение медика: реаниматор, сканер и специфические приборы, в которых я ничего не смыслил. Она шла уверенно, будто знала эти пустоши наизусть. Двенадцать лет в этом месте превратили её в идеального проводника, способного безошибочно отличить безопасную тропу от засады патруля.— Далеко ещё? — спросил я через полчаса ходьбы, когда мы миновали знакомые обломки «Вейр-7» и вышли на нейтральную полосу, где корабли выглядели иначе, чище, ухоженнее, явно под присмотром, и Орра держалась края, и я не отставал, потому что отставать на нейтральной полосе было опасно, а Орра не оглядывалась и не ждала, она шла, и я шёл за ней, и это было

правильно, потому что она знала куда, а я нет.

— Три часа пути, — ответила Орра, не сбавляя шага. — На север, мимо Вейра, по самой кромке Торра. Вглубь ни ногой, иначе нас примут.

— Кто примет?

— Патрули Торра. Они не жалуют незваных гостей.

— А если мы по делу?

— «По делу», это когда ты их человек. А ты, никто. Тебя остановят в любом случае.

— Понял.

— Не понял, а запомнил. У тебя вечно так. И не надо меня благодарить.

Я криво усмехнулся про себя: Орра оказалась абсолютно права. Стоило мне в очередной раз бросить дежурное «ясно», как в памяти всплыла старая земная привычка. На родной планете это означало «понял», но здесь, среди пространств Перекрёстка, такой подход не работал. Местные реалии требовали иного: осмысление и простая фиксация фактов здесь — две большие разницы. Причем на первом месте стояла именно память. До сути доберешься потом — если вообще доберешься, а вот впитать информацию необходимо в данную секунду, иначе следующей может просто не случиться.

Впереди мерным, неторопливым шагом шла Орра. Широкие плечи, обтянутые практичной темной тканью комбинезона, покачивались в такт ходьбе. Каэры начисто были ли-

шены суетливости — их поступь оставалась безупречно ровной, сберегающей ресурс для долгого перехода. Я пытался подстроиться под ее темп, но получалось скверно: сказывалась человеческая природа. То сбивался на резкий рывок, то начинал тяжело дышать, а то и вовсе вынужденно останавливался. Орра терпеливо ждала. Ни малейшего намека на раздражение — она просто замирала на месте до тех пор, пока я не давал знать, что готов двигаться дальше, после чего вновь вливалась в свой неспешный ритм. Так выглядел ее первый мастер-класс: без скучных наставлений и нотаций, исключительно через движение и темп.

Путь занял ровно три часа, как она и предупреждала изначально. За этот короткий отрезок времени я умудрился узнать о кланах Перекрёстка больше, чем за целых две недели пребывания у Вейр Тасса. Орра выражалась скупой, емкой, без водянистых фраз — в своем обычном стиле. Каждая брошенная ею фраза несла практическую пользу и намертво врезалась в память. Я впитывал буквально каждый звук, прекрасно понимая: пригодится. Пусть не сегодня, пусть даже не завтра, но на Перекрёстке информационный вакуум смерти подобен. Любая мелочь, упущенная из виду, рано или поздно превратится в смертельную ловушку.

Я застыл, когда «Грозный» наконец открылся моему взору. Моё воображение рисовало обломки, ржавчину и мертвый металл, но реальность оказалась куда более странной. Корабль выглядел так, будто только что сошел со стапелей.

На Перекрестке, где каждый винтик ценится на вес золота, а любой корпус превращается в грудку мусора, этот крейсер стоял нетронутым, словно под защитой невидимого барьера. Это пугало. И это манило.

— Это он, — голос Орры прозвучал глухо. Я уловил в нём нотки, которые не вязались с её железным характером — она всегда презирала страх, но сейчас, кажется, сама была им охвачена.

— Линейный крейсер «Грозный-М», — продолжила она, словно читая техническую сводку, чтобы скрыть волнение. — Верфи Конкорда. Длина — четыреста восемьдесят метров. Лежит здесь, лет триста. Может, больше.

— Ты знала?

— Знала. Я была здесь, три года назад. С одним, кто искал.

— И?

— Не нашёл. Он не был техником. Он не знал, куда смотреть. И он не смог войти.

— Не смог войти? Почему?

— Корабль, заблокирован. Системы защиты, активны. Мы подошли, и из люков вышли дроиды, боевые, три штуки, чёрные, низкие, с плазменными стволами, и встали перед нами, и не двигались, и не стреляли, но и не пускали. Тот, кто был со мной, попытался обойти. Один дрон выстрелил. Предупредительный. В землю. У его ног. Он отступил. Мы ушли.

— Три года, и они всё ещё активны?

— Три года, тридцать или триста — время здесь не имеет значения. Корабль не подает признаков жизни, но его системы активны: дроны получают питание, защита держит периметр. За три столетия никому не удалось проникнуть на борт. Сарр бросил в бой двадцать человек — половина погибла, остальные отступили. Торр пробовал штурмовать с отрядом, но потерпел крах. Только Дорн ведет себя иначе. Он не лезет на рожон. Дорн выжидает

— А Вейр?

— Вейр, тоже не пробовала. Она говорила мне, что корабль, не наш. Что он, ничей. Что тот, кто оставил его здесь, знал, что делает. Что защита, не против нас. Защита, против того, что под нами. Я не понимала. Теперь, может быть, понимаю.

— Что под нами?

— Не знаю. Но корабль, знает. Корабль, ждёт. Корабль, не пускает. Потому что, не все, кому он нужен, пришли. Может быть, ты, тот, кому он нужен. Может быть, нет. Я не знаю. Идём.

— Орра, — сказал я, — а почему корабль такой целый? На Перекрёстке всё разграблено. Почему этот нет?

— Потому что нельзя, — ответила Орра. — Кто тронет, того дроиды убивают. Не сразу. Сначала предупреждают. Потом, убивают. Сарр потерял десять человек, прежде чем понял. Торр потерял шесть. Остальные, поняли. Корабль, неприкосновенный. Триста лет, неприкосновенный. Тот, кто

оставил его, оставил и ключ. Тот, у кого этот ключ, тот и хозяин. Но за триста лет никто его не нашёл. Идём.

Я замер, вглядываясь в очертания крейсера. В голове крутились слова Орры о боевых дронах, периметре защиты и трехвековом ожидании, которое, казалось, застыло в самом воздухе. Пальцы машинально сжимали тяжелый, холодный стержень в кармане. На его темной поверхности отчетливо проступала гравировка. Я не имел доказательств, что это ключ, но интуиция подсказывала: связь между артефактом и кораблем несомненна. Символ на металле стержня должен был повториться где-то на обшивке — я чувствовал это как некую предопределенность. Линия, соединяющая модуль, где я нашел стержень, и эту свалку, теперь обретала смысл. Я стоял в начале пути, финал которого был скрыт туманом неизвестности, но отступить не собирался.

Поражало состояние корпуса. На Перекрёстке, где любая техника превращалась в труху под воздействием коррозии, этот корабль выглядел аномально. Слой ржавчины был лишь тонкой пылью, легко стираемой ладонью. Под ней скрывался металл, сохранивший прочность верфей Конкорда. Что-то — магия, технологии или само время — берегло его.

— Орра, — нарушил я тишину, — осмотри периметр. Если возникнут сложности — кричи.

— Каэре не кричат, — отрезала она, — мы просто приходим.

— Договорились.

Она растворилась в тени корабля, а я направился к главному шлюзу он был заперт, но панель управления была выдвинута из брони корпуса, словно хозяева просто вышли на минуту. Странно но дроиды так и не появились. Я приложил стержень к панели управления. Сначала — тишина. Затем, после нескольких попыток, панель отозвалась низким гулом и мягким изумрудным свечением. На ней проступил тот самый знак: четыре круга с точкой в центре. Стержень в моей руке отозвался ответной вибрацией, и тяжелая плита шлюза с натужным стоном начала отходить в сторону. В нос ударил запах древности: смесь машинного масла, застоявшейся пыли и чего-то неуловимого, наверно заброшенным помещением.

Корабль признал меня. Не из-за моей исключительности, а благодаря ключу, который он ждал триста лет. Но этот доступ был лишь приглашением, а не правом собственности. Впереди ждала рубка с погасшими мониторами и критически разряженными батареями.

Я шагнул за порог. Вокруг тянулись коридоры с уже примелькавшими табличками вроде «Шлюза 4» и «Коридора Б-7». Две недели тяжелой учебы у Вейр Тасса не прошли даром — теперь мне не составляло труда читать на языке древних арканов. Это знание делало меня здесь не совсем чужаком. Корабль не был мертв; он спал. Где-то в глубине утробно гудел реактор, работая на пределе возможностей. Этот звук, напоминающий ровный гул трансформатора, был для

меня самой приятной музыкой.

Миновав пустые каюты и разграбленные склады, я добрался до рубки. Семь кресел, изогнутый пульт — всё выглядело монументально, но безжизненно. Вскрыв распределительный щит, я увидел истинную картину: батареи были истощены до последнего процента. Защита и дроны держались на честном слове. Я понимал, что мой малый генератор — лишь капля в море, но как ремонтник, я знал: дорогу осилит идущий.

Усевшись в центральное кресло, я почувствовал, как стержень в кармане пульсирует, словно пытаюсь передать мне мысли самого корабля. Это было странное, чувство. Позже, в маленьком архиве рядом с командным отсеком, я наткнулся на выдвижные боксы. В одном из них лежали кристаллы — угольно-черные, ледяные на ощупь.

— Кристаллы Памяти, — внезапно подал голос Аналитик. — Древние информационные артефакты. Производитель, не установлен. Назначение, не установлено. Совпадений в базе, не найдено.

— Древних? — переспросил я.

— Не могу пояснить. База не содержит данных.

— А кто такие Древние?

— Не могу пояснить. База не содержит данных.

— А откуда ты знаешь название?

— База содержит наименование. Не содержит пояснения.

Пиратская сборка. Усечённый профиль.

— Ладно.

— Принято.

Я вернул кристалл и открыл следующий ящик, и внутри лежали импланты, плоские, упакованные в тёмную плёнку, восемь штук, арканское производство, судя по клеймам, модели не первой свежести, но состояние идеальное, видно, что их берегли, а не свалили в кучу, и я знал цену, на чёрном рынке за один такой чип давали от двухсот до пятисот тысяч KV, и восемь штук, и это было состояние, превышавшее всё, что я заработал за годы жизни на Земле, и я запечатлел это в памяти и закрыл ящик.

Третий ящик, и внутри журнал, и сначала я принял его за пластиковую пластину, но, коснувшись, ощутил текстуру, настоящая бумага, пожелтевшая, с потертыми краями и пятнами времени, и в мире, где правят нейросети, голограммы и кристаллические накопители, бумажный носитель выглядел как нелепый анахронизм, и кто оставил его здесь, и зачем, и я раскрыл его, и мелкий, аккуратный почерк, лишённый следов спешки, и язык, арканов, но с архаичным оттенком, каким пользовались пару столетий назад, но смысл был понятен, и записи были сделаны от руки, и я листал страницу за страницей, и сначала пустота, потом текст, и я стоял в тишине архива «Грозного» и читал эти строки, не в силах поверить в происходящее, и дневник вёлся ежедневно, и каждая страница была одновременно новой и бесконечно старой, но почерк оставался неизменным, ровным, спокойным,

методичным, и я читал, и записи начинались с «День 1» и шли последовательно, первые дни были обычные, реактор, системы, координаты, потом стало хуже.

— Аналитик, — спросил я, — кто такой Маэстро?

— Корабельный искин. Программный. Выполняет задачи экипажа.

— А кто экипаж?

— Не могу пояснить. База не содержит данных.

— А почему Маэстро записывал от руки?

— Не могу пояснить. База не содержит данных.

— Ладно.

— Принято.

Я продолжал читать, и записи шли, и «День 4. Энергия падает. Реактор, 12%. Системы, критические.» И «День 5. Реактор, 8%. Экипаж эвакуирован. Я остаюсь.» И пустые страницы, и потом «День 6. Реактор, 5%. Я записываю, потому что электроника скоро умрёт. Записи останутся.» И «День 7. Реактор, 2%. Я знаю, зачем остался. Я хотел проверить.» И «День 8. Проверил. Координаты сходятся. Под нами, не свалка. Под нами,»

Последняя строка была оборвана. Маэстро либо прервали, либо он сам остановился, не успев дописать мысль. Это осознание — что он знал нечто критически важное, но не успел поделиться — пугало меня больше, чем сама тайна. Я не знал, что такое Ядро и что находится под нашими ногами, но был уверен: Маэстро нашел ключ.

На обратной стороне листа красовался символ: четыре круга с точкой в центре. Я вытащил стержень из кармана и сравнил его с рисунком. Один в один. Сходство было пугающим. Символ повторялся везде: на панели шлюза, в журнале, на модуле и на самом стержне. Это была не случайность, а четкая закономерность. Я оказался частью какой-то системы, звенья которой выстроились в линию.

— Аналитик, подтверди, — обратился я к системе. — Ты видишь закономерность?

— Подтверждаю. Совпадение символов в четырех точках: стержень, шлюз, журнал, модуль. Шанс случайности — 0,01%.

— Объясни, что это.

— Не могу пояснить. База не содержит данных.

— А ты предполагаешь?

— Не могу предполагать. База не содержит данных для предположения.

— Ладно.

— Принято.

— Ник? — позвала Орра из коридора, и я услышал её голос, и я вышел из архива.

— Здесь.

— Ты как?

— Я нашёл.

— Что?

— Журнал. И символ. Такой же, как на стержне. Как на

модуле. И корабль, открыл мне шлюз. Стержень, ключ. Корабль, признал.

Орра вошла в архив, посмотрела на журнал, на стержень, на меня, долго, потом кивнула.

— Корабль, признал?

— Да. Стержень — ключ. Шлюз, открылся. Дроиды, не тронули. Я вошёл.

— Триста лет, никто не мог войти. Ты, вошёл. С стержнем.

— Да.

— Сарр, потерял десять человек. Торр, шесть. А ты, просто вошёл.

— Стержень, ключ. Без стержня, нельзя. Со стержнем, можно. Я не знал. Но, получилось.

— Это не случайно.

— Я знаю.

— Что будешь делать?

— «Грозный» мой. Не как укрытие. Как отправная точка. Я найду, куда ведёт линия.

Орра молчала. В этой тишине было что-то от каэров, не знающих, что ответить. Я не пытался читать её мысли: считала ли она меня безумцем или союзником — неважно. Главное, что она оставалась со мной.

Выбор был сделан. «Грозный» станет моим домом. Не из-за выгоды или статуса, а из-за того, что он олицетворял. Загадка, запертая в его корпусе, стала моим первым настоящим интересом за целую вечность. Я не знал, куда заведет меня

этот путь длиной в полгода, но впервые в жизни я действовал не из страха, а из любопытства. Последний раз я чувствовал нечто подобное, когда в детстве копался в схемах приемника.

Мы покинули корабль. Ржавая земля под ногами, а перед нами — «Грозный», темный и неподвижный. Дроиды у входа не шелохнулись: я был «своим». Стержень в кармане тихо гудел, откликаясь на присутствие корабля. Я не разбирал слов, но чувствовал ритм. Это было начало чего-то грандиозного.

— Это мой корабль, — сказал я в пустоту. — Моя тайна. Я разгадаю её. Или сгорю в этой попытке.

— Не благодари, — сказала Орра.

— За что?

— За то, что я с тобой. Если ты умрёшь, я не подниму. Я только скажу, что ты упрямый.

— Скажешь.

— Скажу. Это, наверное, будет правильно.

— Ладно.

— Не благодари.

— Не благодари.

— И не извиняйся. Если умрёшь, значит, умрёшь. Это, на Перекрёстке, бывает. Не плохо, не хорошо. Факт.

— Понял.

— Не понял. Запомнил.

— Запомнил.

— И, Ник?

— Да?

— Ты, не случайный. Ты, со стержнем. Ты, с языком. Ты, с руками. Ты, тот, кого ждали. Может быть. Может быть, нет. Я не знаю. Но, ты, не случайный.

— Орра, — сказал я, — я, ремонтник. Я, чиню. Я, не тот, кого ждали. Я, тот, кто нашёл.

— Может быть, одно и то же, — ответила Орра.

Орра ответила скупым, резким кивком — так обычно выражают мысли каэры, когда любые разговоры теряют смысл. Я зеркально повторил жест. В густом воздухе, насквозь пропитанном гарью Перекрёстка, между нами, впервые возникло нечто вроде негласного уговора. Пустые фразы здесь ничего не стоили, они обесценивались мгновенно, тогда как простое движение головы равнялось кровью подписанному контракту. Раз дал согласие — пути назад нет, теперь мы скованы одной цепью, во всяком случае, на ближайшее время этого вполне хватало.

Мы замерли, впитывая окружающую пустоту. Нависавший сверху свинцовый купол неба давил на плечи, под ботинками шуршала мертвая ржавая взвесь, а прямо по курсу высился «Грозный». Мрачный, неподвижный, погруженный в анабиоз колосс. Возле его шлюзов застыли боевые дроны — они не тронули меня лишь потому, что система сработала безошибочно: древний стержень послужил универсальным пропуском. Триста лет ожидания подошли к концу.

Я еще не понимал, что ждет нас впереди, но отчетливо осознавал: я «оживил» его. И дело было вовсе не в запуске двигателей, а в добровольно взваленном на плечи грузе. Мы словно заключили взаимный союз... или угодили в общую ловушку, захлопнувшуюся за нашими спинами. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Для старта достаточно и этого, а что принесет грядущая тьма — покажет время. Стержень тяжело вибрировал в кармане, безмолвно дежурили дроиды, спал гигантский корабль, и я стоял посреди этого пейзажа. Все только начиналось.

***

Если история вам нравится — пожалуйста, поставьте лайк и оставьте отзыв. Для меня это лучшая поддержка, чтобы писать дальше!

Глава 9

Первые деньги

Я перетащил генератор из модуля в «Грозный». Это заняло два дня, потому что генератор был тяжёлый, а дорога, не близкая, и я шёл не с пустыми руками, а с рюкзаком, в котором, кроме генератора, были инструменты, вода, пайки, и стержень, всегда при мне. Я нёс, останавливался, нёс, снова останавливался. Орра помогала, когда могла, но Орра была медик, не грузчик. Она несла своё, я нёс своё. На второй день я дотащил. Подключил к распределительному щиту в рубке. Проверил контакты. Нажал кнопку.

Корабль ожил. Медленно, по частям, как человек, что просыпается после долгого сна и не сразу понимает, где он. Сначала, освещение в рубке. Лампы над пультом, тусклые, желтоватые, но горели. Потом, освещение в коридоре. Потом, в архиве. Потом, в медицинском отсеке. Я ходил по кораблю, и везде, где я щёлкал выключателем, загорался свет. Это, наверное, и было то, что называют «оживает». Не сердце, не дыхание. Свет. Свет, это жизнь. На Перекрёстке, может быть, особенно.

Я работал по двенадцать часов в день. Чинил импланты. Все восемь, что нашёл в ящике. Я тестировал каждый, проверял на стенде, что собрал из старой платы и пары проводов. Каждый имплант был рабочий, но каждый требовал на-

стройки. Пиратский Аналитик помогал, но иногда врал. Я проверял. Я не доверял. Я чинил. Я думал о том, что каждый имплант, что я держал в руках, был чьей-то жизнью. На Земле, когда я чинил стиралку, я чинил машину. Здесь, когда я чинил имплант, я чинил часть чьего-то мозга. Это было другое. Не сложнее. Не легче. Другое. Я не знал, кому эти импланты принадлежали. Может быть, кому-то, кто умер. Может быть, кому-то, кто ушёл. Может быть, никому. Я не знал. Я чинил. Вещь сломалась. Я починил. Это, наверное, и было моё. На всех планетах, во всех галактиках, на всех языках.

— Аналитик, — спросил я на третий день, — этот имплант, модель?

— Аналитик, модель 4-7. Арканское производство. Дом Эйлан. Серия 7741. Срок службы, не истёк. Состояние, рабочее. Рекомендация, проверка на стенде.

— Я проверил. Работает.

— Подтверждаю. Работает.

— А почему его бросили?

— Не могу пояснить. База не содержит данных. Предположение, эвакуация корабля.

— Понял.

— Не понял. Запомнил.

— Запомнил.

Я упаковал все импланты в их родную тёмную плёнку, аккуратно, как они и лежали, когда я их нашёл. Три взял с собой. Пять оставил в архиве. Я не знал, когда продам осталь-

ные. Я не знал, кому. Я знал одно: сначала три. Если получится, потом ещё. Если нет, останутся. На первое время хватит.

Навигация сдохла, и я потратил три дня, чтобы вернуть её к жизни. Паяльник, горелые платы, бесконечный поток кода, который «Аналитик» выдавал с упорством идиота. Я правил его ошибки, а он плодил новые, как будто издевался. Это был изнуряющий процесс, похожий на попытку вытянуть правду из лжеца. Наконец, экран мигнул и выдал координаты. Я смотрел на эти цифры, не зная, в какой дыре мы застряли и куда держать путь. Но прибор ожил.

Малый сканер. Два коммуникационных блока. Одна медицинская панель. Каждый раз, серия гипотез, проверок, ошибок, переделок. Каждый раз, Аналитик подсказывал, иногда правильно, иногда нет. Каждый раз, я проверял. Каждый раз, вещь работала. Я не помнил, когда в последний раз работал так много. На Земле, может быть. В сервисной мастерской, когда было много заказов, и я сидел с утра до ночи, чинил стиралки, посудомойки, бойлеры. Здесь, то же самое. Только не стиралки. Импланты. Сканеры. Навигационные консоли. Суть была та же. Вещь сломалась. Я починил. Вещь работает.

— Аналитик, — спросил я, когда чинил сканер, — ты ошибся на гипотезе. Почему?

— База повреждена. Гипотеза вероятная, но неверная. Проверка показала.

— Ты всегда ошибаешься на древних платах?

— Не всегда. Часто. База пиратская. Усечённый профиль. Древние платы не содержатся в базе. Рекомендация, проверка.

— Ты бесполезен на древних.

— Не бесполезен. Ограничен. Разница.

— Какая?

— Бесполезный, не подсказывает. Ограниченный, подсказывает, но неправильно. Разница.

— Понял.

— Не понял. Запомнил.

— Запомнил.

Я не знал, что делать с этой информацией. Я не мог заменить Аналитика. Я не мог обновить базу. Я мог только проверять. Каждый раз. Каждую гипотезу. Каждую подсказку. Я проверял. Я чинил. Вещь работала. Это, наверное, и было моё. Не доверять. Проверять. Чинить.

Через неделю я пошёл к Вейр Тассе. С тремя имплантами в рюкзаке. Дорога, три часа неспеша, по знакомому маршруту. Хаб. Прилавок. Вейр Тасса, за тем же прилавком, с тем же потёртым лицом, с теми же быстрыми глазами.

— Я принёс, — сказал я.

— Что?

— Импланты. Три. Рабочие.

Вейр Тасса посмотрел. Потрогал. Повертел в руках. Проверил на стенде, что был у него под прилавком. Все три, за-

горелись. Рабочие.

— Ты их починил?

— Да.

— Сам?

— Сам.

— Где нашёл?

— В одном месте.

— Хорошее место?

— Не спрашивай. Я не скажу.

Вейр Тасса рассмеялся. Коротко, без веселья, как смеются торговцы, когда понимают, что клиент умеет молчать.

— Ладно. Умеешь молчать, это полезно. Сколько хочешь?

— По пятьсот тысяч за каждый. Полтора миллиона за три.

— Триста.

— Четыреста.

— Триста пятьдесят.

— Триста семьдесят пять. И эксклюзив на следующие.

— Эксклюзив, на шесть месяцев. Потом, рынок.

— Год.

— Восемь месяцев.

— Ладно. Восемь.

— По рукам?

— По рукам.

Сделка. Я получил один миллион сто двадцать пять тысяч KV за три импланта. Это был первый крупный доход. Я не знал, много это или мало. Вейр Тасса сказал, что средне. Он

усмехнулся. Я не знал, что полтора миллиона, это приговор. Я узнал позже.

Вейр Тасса налил мне какого-то местного напитка. Крепкого, горького, похожего на коньяк, но не коньяк. Мы сидели в задней комнате хаба, на двух стульях, за столом, что был когда-то крышкой от люка. Я не спрашивал. Я пил. Горько. Но пил.

— Ты теперь, известный, — сказал Вейр Тасса.

Я не понимал, что это значит. Я продал три импланта. Я думал, что это обычная сделка. Но Вейр Тасса смотрел на меня так, как будто я только что подписал контракт с дьяволом.

— Известный, — повторил он. — О тебе узнают. Сарр захочет тебя. Эйлан захочет вернуть свои импланты. Торр захочет нанять. Все захотят.

— И что мне делать?

— Думать. Быстро. Решать, с кем ты.

— А если я, ни с кем?

— Тогда ты, против всех. Это плохая позиция. Даже для человека с тремя имплантами на полтора миллиона.

Я кивнул. Это было полезное знание. Я не хотел быть против всех. Я хотел быть с кем-то. Но я не знал, с кем.

— Думай, — сказал Вейр Тасса. — У тебя есть неделя. Может, две. Потом за тобой придут. Не с предложением. С требованием.

— От кого?

— Не знаю. Может, Сарр. Может, Эйлан. Может, кто-то ещё. Все, кто поймут, что ты, ценность.

Я не знал, что ценность, это опасно. Я думал, ценность, это хорошо. Я ошибался. На Перекрёстке ценность, это приговор. Отложенный, но не отменяемый. Я только что приговорил себя. Полтора миллиона, это был мой приговор. Я не знал этого тогда. Я узнал позже. Но когда я узнал, я уже не мог вернуть полтора миллиона. Я мог только двигаться вперёд.

— Не хочу к Сарр, — сказал я.

— И не надо. Они тебя съедят. Но они тебя попытаются забрать. Будь осторожен.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. И купи пистолет.

— Какой?

— Парализующий. «Усмиритель». У меня есть. Восемь тысяч KV. Не дорого, если ты стоишь полтора миллиона.

— Ладно.

— Не благодари. Это работа. Я тебе продаю пистолет, ты мне платишь. Сделка.

— Сделка.

Я купил пистолет. Маленький, тяжёлый, чёрный, с предохранителем, что я проверил трижды. Я не знал, как им пользоваться. Аналитик подсказал. Я проверил. Работает. Я положил его в поясную сумку, рядом с мультиметром. Инструменты и оружие. Это, наверное, и был мой набор на Пере-

крёстке. Не меч и щит. Мультиметр и пистолет. На Земле я бы смеялся. Здесь я не смеялся. Здесь это было нормально. Здесь все носили что-то. Оorra, сканер и бинты. Вейр Тасса, деньги и нашивки. Каэр из Торр, броню и пистолет. Я, мультиметр и пистолет. Каждый, что-то. Каждый, что-то, чем защищался, или нападал, или выживал. Я не нападал. Я выживал. Разница. Может быть, не большая. Может быть, никакая.

Я шёл обратно к «Грозному». По дороге оглядывался. Чувствовал, кто-то следит. Не видел. Но знал. Может быть, тот варх из Нерр. Может быть, кто-то ещё. Может быть, никто, и мне казалось. На Перекрёстке, наверное, всегда казалось, что за тобой следят. Иногда это было правда. Иногда нет. Я не знал. Я шёл. Я думал о том, что сказал Вейр Тасса. Ценность, это опасно. На Земле ценность была хорошим словом. Ценный работник. Ценный специалист. Ценный человек. Здесь, ценность была приговором. Я не знал этого тогда. Я думал, что полтора миллиона, это хорошо. Я ошибался. Но я шёл. Я не мог иначе. Я не хотел иначе. Я шёл, и дорога была знакомой, каждый корпус, каждый поворот, каждый мостик, и я шёл, и думал, что мне нужна оборона. У меня был корабль. У меня были инструменты. У меня были деньги. У меня не было людей. Люди, это было то, чего у меня не было. Не друзья. Не клан. Люди. Любые. Кто-то, кто стоял бы рядом, когда придут с требованием. Кто-то, кто смотрел бы в другую сторону, когда я смотрю в одну. Кто-

то, кто был бы. Просто, был. Я не знал, кого искать. Я знал одного. Орру. Она помогла без причины. Может быть, она, начало. Может быть, нет. Я не знал. Я знал одно: я не один. Впервые с тех пор, как зелёный свет забрал меня с трассы М-7, я не один. Орра была. «Грозный» был. Пистолет был. Деньги были. Этого, может быть, хватит. Может быть, нет. Я не знал.

Я пришёл на «Грозный». Закрыв за собой шлюз. Сел в рубке, в центральное кресло. Смотрел на пустые кресла. Семь мест. Семь, кроме моего. Ник, один. Я думал о том, что сказал Вейр Тасса. Думать. Быстро. Решать, с кем ты. Я не знал, с кем. Я знал одно: мне нужны люди. Не как ресурс. Как необходимость. Я не мог защищать «Грозный» один. Я не мог чинить корабль один. Я не мог торговать один. Я не мог жить один. Это было тяжёлое признание. Для человека, который всю жизнь справлялся сам. Но я признал. На первое время, хватит. Потом, нужно будет больше.

Одного человека я уже знал. Орру. Она помогла без причины. Может быть, она, начало. Может быть, нет. Я не знал. Я сидел в рубке, смотрел на экран, что я починил, на навигационную консоль, что работала, на лампы, что горели, и думал о многом. О Димке, что остался на Земле. О матери, что не знала, где я. О коте Тихоне, что, может быть, уже умер. О стиралке на Чертановской, что я так и не починил. О насосе у Димки, что я починил. О лампочке в модуле, что я зажёл. О лампочке в рубке «Грозного», что горела сейчас. Я думал о

том, что каждая лампочка, что я зажёл, была шагом. От щели между корпусами, до модуля. От модуля, до «Грозного». От «Грозного», до хаба. От хаба, до сделки. От сделки, до пистолета. От пистолета, до чего-то, чего я не знал. Я не знал, что будет дальше. Я знал одно: я двигаюсь. Это, наверное, и было главное. Не куда. Не зачем. Просто, двигаюсь. Так я начинал всегда. С того, что не знал, и с того, что собирался узнать. Так я начинал на Земле. Так я начинал на корабле. Так я начинал здесь.

Слабый крик с наружи.

Я вскочил. Пистолет в руку. Снял с предохранителя. Иду к двери. Кто-то стоял снаружи. Я не слышал шагов. Кто-то стоял и стучал. Тихо. Ровно. Как будто стучал давно и мог стучать ещё.

— Кто? — спросил я и подумал — Расслабился. Надо дроидов по периметру поставить.

— Кейр, — ответили снаружи в переговорную консоль входного шлюза . — Можно войти?

— Зачем?

— Я видел сделку. Я знаю, что у тебя есть ещё. Я знаю, что ты ищешь ответы. Я продаю информацию. Купи, и узнаешь.

Я открыл шлюз. Варх. Худой, в тёмном плаще, с лицом, которое ничего не выражало. Не тот варх-наблюдатель из хаба, что я встретил в первый день. Другой. Этот был старше, и глаза у него были другие. Не мигающие, как у того. Медленные. Как будто он видел всё, что было, и всё, что будет,

и ничего не хотел менять.

— Войди, — сказал я.

Кейр вошёл. Осмотрелся. Коридор, рубка, дверь в архив. Он не спрашивал, куда идти. Он шёл так, как будто знал. Может быть, знал. Я не спрашивал. Он прошёл в рубку, сел в кресло, не спрашивая. Второе слева. Не центральное. Не моё. Второе. Как будто у него было своё место, и он его помнил.

— Хороший корабль, — сказал Кейр. Голос был тихий, ровный, без интонации, как у всех вархов. — Старый, но хороший. Я знаю, кто его приволок. Знаю, почему он здесь.

— Откуда знаешь?

— Я приходил к нему. Три года назад. Я искал то же, что и ты. Но не нашёл. Я не техник. Я, голос. Дроиды не пустили внутрь.

— И ты пришёл ко мне.

— Я пришёл к тому, кто починил три импланта и продал их Вейр Тассе почти за полтора миллиона. Это, ты.

Я молчал. Я стоял в дверях рубки, с пистолетом в руке, и смотрел на варха, что сидел в кресле моего корабля, и говорил мне, что он знает. Я не знал, что делать. Я не знал, что спрашивать. Я знал одно: он знал больше, чем говорил. Вархи всегда знали больше, чем говорили. Это, наверное, и было их сутью. Не действовать. Знать. Не говорить. Продавать.

— Что ты предлагаешь? — спросил я.

— Пока, ничего. Я пришёл познакомиться. Когда тебе по-

надобится информация, ты найдёшь меня. Я в Восточном хабе, в задней комнате. Спроси Кейра.

— А если я спрошу сейчас?

— Сейчас, рано. Ты не знаешь, что спрашивать. Ты знаешь, что есть символ. Ты знаешь, что есть журнал. Ты знаешь, что есть корабль. Ты не знаешь, что это значит. Когда узнаешь, приходи. Я продам тебе то, что свяжет это вместе.

— Сколько?

— Не знаю. Зависит от того, что ты спросишь. Может, тысяча. Может, миллион. Может, ничего. Я не торгуюсь заранее. Я торгуюсь, когда есть что продавать.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. Это у вас мода. Не благодари.

— Не благодари.

Кейр поднялся. Его плащ шевельнулся, словно живая тень, скользящая вопреки законам физики. Он направился к выходу. Я прижался к стене, пропуская его. Когда он поравнялся со мной, я уловил исходящий от него дух — странный, неуловимый. Это не было запахом пота, машинного масла или застарелой ржавчины. Скорее, от него веяло чем-то абстрактным, почти осязаемой информацией. Я не мог подобрать слов, чтобы это описать.

— Кейр, — позвал я.

Он остановился. Не обернулся.

— Что?

— Ты сказал, что был приходил к кораблю три года назад.

Что ты искал?

Кейр помолчал. Долго. Может быть, секунду. Может быть, минуту. Я не считал.

— То же, что и ты, — сказал он наконец. — Откуда. За чем. Что под нами. Я не нашёл. Я, не техник. Ты, техник. Может быть, ты найдёшь. Может быть, нет. Но если найдёшь, я хочу знать. Я заплачу. Или продам. Или то и другое. Зависит от того, что ты найдёшь.

— А кто ещё знает? Об этом?

— Не многие. Я. Может быть, Дорн. Но Дорн не говорит. Я говорю, но за деньги. Разница.

— А варх, что наблюдал за мной в хабе? Он знает?

— Какой варх?

— Тот, что стоял у стены. Сказал, что наблюдает за новенькими. Знал про лампочку, что я зажёл.

Кейр помолчал. Я начинал понимать, что Кейр молчит не потому, что не знает. Кейр молчит, потому что считает. Считает, сколько стоит то, что он знает. Сколько стоит сказать. Сколько стоит промолчать. Это, наверное, и было то, что вархи делали. Не наблюдали. Считали.

— Может быть, знает, — сказал Кейр наконец. — Может быть, нет. Я не знаю, кто это. У Нерр много агентов. Я, не Нерр. Я, вольный. Я продаю информацию, а не собираю. Разница.

— Какая?

— Нерр собирает и докладывает. Я собираю и продаю.

Нерр служит клану. Я служу себе. Разница.

— Понял.

— Не понял. Запомнил. И не благодарю. Я не помогал тебе. Я знакомился. Разница.

Он ушёл. Я стоял в коридоре, и смотрел ему вслед. Тихо, неслышно, как будто его и не было. Как тот варх-наблюдатель в хабе. Как все вархи. Они уходили, как будто их и не было. Это, наверное, и было их сутью. Быть и не быть. Знать и не говорить. Продавать и не покупать. Я знал одно. Кейр пришёл ко мне, потому что я починил три импланта и продал их почти за полтора миллиона. Это, наверное, было начало. Не клана. Пока не клана. Но начало чего-то. Может быть, союза. Может быть, сделки. Может быть, ничего. Я не знал. Я знал одно: он пришёл. Первый, кто пришёл не за имплантами, а за знакомством.

Я вернулся в рубку. Опустился в центральное кресло, чувствуя усталость. Пистолет лег на пульт — тяжелый, холодный. Кредиты в рюкзаке у ног на полу. Ключ в кармане. На экране светился символ: работа сделана.

Семь кресел. Одно — мое. Шесть пустых. Я не знал, кто их займет. Может быть, Орра. Может быть, Кейр. Может быть, кто-то, кого я еще не встретил. А может, они так и останутся пустыми. Я не знал. Я знал лишь одно: я больше не был новеньким. Я стал специалистом. Я стал ценностью. А на Перекрестке ценность — это приговор. Отложенный, но неизбежный. Тогда я еще не понимал этого. Я узнал позже.

Но я уже двигался вперед. Я не мог иначе.

Так я начинал всегда. С того, чего не знал, и с того, что собирался узнать. Так я начинал на Земле. Так я начинал на корабле. Так я начинал в модуле. Так я начинал здесь. В мире, где каждое начало — лишь шаг к неизбежному концу.

Глава 10

Слишком умный мусорщик

Я стоял на броне корпуса «Грозного» и смотрел на обломки. Ветер был северный, холодный, несущий пыль и запах ржавчины. Я стоял, и смотрел, и не понимал, почему именно в тот день я увидел то, чего не видел до того. Может быть, свет был правильный. Может быть, Аналитик наконец-то подсказал что-то полезное, чего не подсказывал раньше. Может быть, я просто устал смотреть на хаос и захотел увидеть узор. На Перекрёстке, наверное, так и было. Хаос вокруг, и внутри, и в голове. Узор найти хотелось. Не потому, что узор был. Потому что без узора было плохо.

Корабли лежали не случайно. Я смотрел на запад, и там, вдалеке, на горизонте, поднимался остов большого буксира, и я знал про него, я ходил туда, и проверял, и снимал с него два генератора и навигационную панель. Я смотрел на восток, и там, в трёхстах метрах, стоял «Грозный», мой дом, и я знал про него, я жил в нём, и чинил его, и спал в своей каюте. Я смотрел на юг, и там, дальше, за зоной, которую Орра называла «мёртвой», виднелась надстройка старого сухогруза. Я смотрел на север, и там, у самой линии пепла, лежал фрагмент корпуса, которого я не знал. Я переводил взгляд с запада на восток, с востока на юг, с юга на север. И в какой-то момент я увидел. Не круг. Не квадрат. Что-то другое.

Линии, на которых стояли корабли. Линии, которые складывались в узор.

Я не знал, какой. Я не знал, почему. Я стоял на верху, и ветер дул мне в лицо, и я чувствовал, что смотрю впервые, не на свалку, а на что-то другое. Это, наверное, и было то, что называют «увидел». Не глазами. Головой. Голова, она первая видит, а глаза потом. Глаза показывают, голова понимает. Я не понимал. Но я видел. Я стоял, и ветер дул, и пепел летел, и ржавчина скрипела под ногами, и я думал о том, что каждый обломок, что я обошёл, каждый остов, что я исследовал, каждая ржавая панель, что я снял и починил, и продал, все они лежали не где попало. Они лежали там, где их положили. Или уложили. Или они упали в то, что уже было. Я не знал, что именно. Но я знал, что что-то было. Что-то, что было больше меня, больше Орры, больше Перекрёстка. Что-то, что было до всех нас.

Я спустился в рубку. Подошёл к архиву. Открыл ящик, в котором лежали Кристаллы Памяти Древних, и под ними, на дне, нашёл то, что искал. Старая, бумажная карта Перекрёстка. Кто-то, очень давно, нарисовал её от руки. Чёрной тушью, на плотной серой бумаге, с маркировкой, которую я не узнавал. На карте были схематично обозначены основные обломки. Маленькие чёрточки, как штрихи, и рядом стояли цифры. Координаты. Я достал карту, разложил на пульте, разглядел. Подошёл к навигационной консоли, что я починил. Ввёл координаты. Получил точки.

Я соединил точки. Три, четыре, пять. Получилась дуга. Не линия, не круг, а дуга. Я соединил ещё. Дуга складывалась в кольцо. Не круг. Круг, это линия. Кольцо, это линия с пустотой внутри. Пустота была. Я смотрел на пустоту, и думал, что там, в центре, ничего нет. Может быть, и не должно быть. Может быть, в этом и был смысл. Я не знал. Я знал одно: обломки не были случайными. Они были на кольце. На одном, пока. Но я чувствовал, что на одном они быть не могут. Не должно. Если есть одно, должно быть ещё.

— Аналитик, — спросил я. — Что я вижу?

— Карта. Схема расположения обломков. Масштаб, ориентировочно один к пяти тысячам. Точность, низкая. Предположение, ручная съёмка.

— Это я вижу. Что ещё?

— Расположение объектов. Кривая. Подобна дуге. Радиус, не определён. Центр дуги, вне зоны съёмки. Предположение, неполные данные.

— Неполные.

— Подтверждаю. Неполные.

— А если собрать все?

— Не могу пояснить. Недостаточно данных. Предположение, требуется полевая съёмка.

— Сколько точек нужно?

— Не менее сорока. Для предварительной гипотезы.

— А для уверенности?

— Не менее двухсот. Для уверенности.

— Двести. Это много.

— Это мало. Для геометрии.

— Понял.

— Не понял. Запомнил.

— Запомнил.

Я сложил карту. Убрал в архив. Достал компас, малый, с «Грозного», и тетрадь, в которую записывал координаты обломков, что я обследовал. Тетрадь была тощая. Я редко записывал. Я работал с памятью, и Аналитик работал с памятью, и этого хватало. Теперь не хватало. Я вышел из корабля. Пошёл.

Перекрёсток был большой. Я не знал точно, насколько. Я ходил по нему три месяца, и не обошёл четверти. Восточный сектор, Северный, краешек Южного. Западный я не трогал. Западный был далеко, и там лежали обломки, что Орра называла «нележащие». Я не понимал, что значит «нележащие». Орра говорила: «Лежащие, это которые лежат. Нележащие, это которые упали не туда, куда должны.» Я спросил: «Куда должны?» Орра молчала. Тогда я не понял. Теперь я шёл, и думал, что, может быть, начинал понимать.

Первый обломок был в ста метрах к северо-востоку. Остов разведывательного модуля, малый, разорванный, с рваными краями. Я подошёл, остановился, достал компас. Снял азимут. Записал. Прошёл по азимуту сто двадцать метров, до следующего обломка. Малый буксир, без надстройки. Снял азимут. Записал. Прошёл. И так, и так, и так. Я ходил, и сни-

мал, и записывал, и ходил, и снимал. Я сделал сорок точек за день. Ноги были тяжёлые. Руки были грязные. Я устал. Но я не мог остановиться. Узнавание, оно, наверное, хуже любой болезни. Ты узнаёшь, и не можешь остановиться, и хочешь ещё, и ещё, и ещё. Аналитик молчал. Аналитик, когда я ходил по местности, обычно молчал. Он говорил, когда я сидел, и смотрел, и думал. Когда я шёл, он спал. Я не знал, почему. Я не спрашивал. Мне хватало.

На седьмой точке я порезался. Лез на остов, рука соскользнула, и острый край ржавого листа полоснул по запястью. Не до кости, но неприятно. Алая полоса расплзлась мгновенно. Глянул на порез — надо бы к Орре, мелькнуло в голове. Но не сейчас. Сначала добыю три точки. Потом еще пять. Потом еще пару штук сверху. Когда закончил, глянул на руку снова: кровь запеклась, края раны воспалились, а в глубине проступил рыжий налет. Ржавчина. Я знал еще с Земли, а на Перекрестке закрепил: это не просто грязь. Орра всегда твердила: «Ржа — это гнилой металл. Он забирается под кожу и начинает жрать тебя изнутри. Ты становишься частью этого мусора». Я побрел к ней.

Полчаса пути. Рука ныла, пульсировала в такт шагам. Самодельная повязка пропиталась темным, почти черным, а сверху налип серый пепел.

Орра окопалась в Восточном секторе. Ее «клиника» — это старый транспортный контейнер, выкрашенный в белый, с криво нарисованным красным крестом на створке. Линии

дрожали, будто у того, кто рисовал, тряслись руки. Я постучал. Дверь скрипнула, показалась Орра. Окинула меня взглядом, потом перевела глаза на руку.

— Снова? — голос сухой, как пыль.

— Снова.

— Обо что?

— Жесть. Ржавая.

— Садись.

Я опустил на табурет. Она выложила инструмент: пинцет, антисептик, моток бинтов. Движения отточены до автоматизма — десять лет в этом контейнере, пятнадцать на Перекрестке. Руки делали всё сами, пока она смотрела куда-то сквозь меня. Она вычищала крошки металла, промывала, стягивала края швами. Я наблюдал за ней и думал: таких, как она, почти не осталось. Людей, которые просто делают свою работу, не разводя демагогию. Мы оба молчали. Когда она закончила и откинулась на спинку стула, тишина стала почти осязаемой.

— Ты здесь уже целую вечность, — произнес я, скорее констатируя факт, чем ожидая ответа.

— Полтора десятилетия.

— Тебе не кажется, что этот мусор вокруг разбросан как-то подозрительно? Слишком упорядоченно для простого хаоса.

Орра надолго замолчала. Я уже было решил, что мой вопрос останется без внимания, но она всё же отозвалась:

— Замечала.

— И что ты с этим делала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.